

18+

В. Е. Чабанов

Экономика КОММУНИЗМА

Владимир Чабанов

Экономика КОММУНИЗМА

«Издательские решения»

Чабанов В. Е.

Экономика КОММУНИЗМА / В. Е. Чабанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982543-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Тема коммунизма настолько оболгана, что от истинного его значения, как царства Благополучия, Добра и Справедливости, ничего не осталось. И это неудивительно, слишком разительно отличается это учение от ныне действующих, безнравственных и безнадёжно устаревших. Настоящая книга представляет собой сочетание методологии марксизма с законами Вселенной. Она позволяет выйти на понимание фундаментальных основ экономики, из которых следует, что коммунизм является не только реальным, но и неизбежным.

ISBN 978-5-44-982543-8

© Чабанов В. Е.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	14
Глава 1. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА	14
§1.1. КОММУНИЗМ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	14
1.1.1. Коммунизм: идеология, утопия или реальность?	14
1.1.2. Россия и Европа — столкновение цивилизаций	23
1.1.3. Цивилизации как ветви человеческой эволюции	39
1.1.4. Общины и русские артели — предтечи коммунистической организации	43
1.1.5. Земства как успешный опыт работы местного самоуправления	51
§1.2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ	62
1.2.1. Что есть экономика?	63
1.2.2. Кардинальная цель гармоничной экономики	68
1.2.3. Потребности людей, предметы потребления и средства производства	70
§1.3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ФАКТОРЫ, ЕЁ ФОРМИРУЮЩИЕ	73
1.3.1. Структуры современной экономики	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Экономика КОММУНИЗМА

Владимир Емельянович Чабанов

© Владимир Емельянович Чабанов, 2020

ISBN 978-5-4498-2543-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тема коммунизма настолько оболгана, что от истинного его значения как царства Благотолучия, Добра и Справедливости, ничего не осталось. И это неудивительно, слишком разительно отличается это учение от ныне действующих, безнравственных и безнадежно устаревших. Настоящая книга представляет собой сочетание методологии марксизма с законами Вселенной. Она позволила выйти на понимание фундаментальных основ экономики, из которых следует, что коммунизм является не только реальным, но и неизбежным.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теория без практики мертва, практика без теории слепа
Пафнутий Чебышев

Теория, зашедшая в тупик, открывает блестящие перспективы
Ибн Сабей

За время работы над теорией фундаментальной экономики, которая продолжалась свыше 60 лет, автору приходилось много беседовать с людьми разных профессий и социальных слоёв общества от простых рабочих до профессоров и академиков. Здесь представлены чаще всего задаваемые вопросы и ответы на них, в которых освещены основные этапы работы над книгой и как зарождались представленные в ней мысли, без изложения которых весь ход дальнейших рассуждений окажется усложнённым

Вопрос: *Владимир Емельянович, почему Вы, признанный физик, математик и теоретик ультразвукового контроля материалов, доктор технических наук, профессор вдруг оставили всё это и занялись изучением экономических вопросов? Что Вас на это сподвигнуло?*

Ответ: Действительно, по своей базовой специальности мне удалось добиться немалых успехов. Я окончил Физический факультет Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ), защитил диссертации кандидата и доктора технических наук по актуальным вопросам ультразвука. Мною издано 3 монографии по различным проблемам физической акустики, одна из которых — «Лазерный ультразвуковой контроль материалов» 1986 г. ^[1], оказалась первой в мире по данной тематике и сразу же была переведена в Соединённых Штатах. Кроме того, по актуальным вопросам гидроакустики, дифракции, борьбы с шумами и др. мною было опубликовано ещё около сотни Технических отчётов, статей, докладов и Авторских свидетельств об изобретениях.

При этом были выполнены не имеющие мирового аналога фундаментальные работы по физике лазерного ультразвука, по оценке остаточного ресурса ответственных изделий, по возбуждению и распространению различных типов волн в твёрдых телах. Кроме того, представлена новая система дифференциальных уравнений для излучения и распространения ультразвуковых импульсных сигналов, а также разработан теоретический аппарат Электромагнитно-акустических преобразователей, сложных в конструировании, но перспективных для ультразвукового контроля материалов. И ещё многое другое.

Однако после начала известной «реформы» в нашей стране я лишился лабораторной базы, без которой доработать и внедрить полученные результаты не удалось. И был вынужден заниматься только теорией, что в созданных «рыночных условиях» никого не интересует. Всем нужны результаты, приборы, прибыли от их продажи, а финансировать научные разработки и НИОКР никто не желает. Это отбрасывает страну на задворки экономического развития, наносит громадный ущерб обществу, не позволяет людям нормально жить и работать, однако в полной мере соответствует реализуемой ныне экономической доктрине. И от этого страдают все. Поэтому не от хорошей жизни мне пришлось полностью переключиться на экономическую теорию как на дисциплину, где полный провал, а лабораторное оборудование для изучения которой не требуется. И в то же время — самую болезненную проблему как России, так и других стран мира. И в решении которой у меня уже был серьёзный задел.

Вопрос: *Но почему именно экономика?*

Ответ: С раннего детства меня интересовали вопросы Добра, Правды и Справедливости, и это неслучайно. Мой отец, Чабанов Емельян Егорович, работал начальником железнодорожной станции в г. Оренбург и был репрессирован в 1943 году по 58-й статье (политика). Отсидел 10 лет, после чего был реабилитирован и признан невиновным. Нас, четверых детей (мне было 5 лет), выгнали из служебной квартиры и мы оказались в разгар войны зимой на улице без жилья и без средств существования (как детям «врага народа» нам не полагалось никаких пособий и льгот). Спасли нас добрые люди и беспримерный героизм мамы, Чабановой Марии Никифоровны, которая работала уборщицей и не умела даже читать. Как же мне поэтому было не думать о правде и справедливости?! А экономика — именно та дисциплина, которая отвечает за всё это!

Вопрос: *Но ведь интересоваться и серьёзно работать — это не одно и то же. С чего у Вас это началось?*

Ответ: На 4-м курсе института (1960 г.) я познакомился с замечательным человеком, большим учёным, заведующим кафедрой политэкономии ЛЭТИ доктором экономических наук профессором Малафеевым Алексеем Николаевичем. Он разглядел во мне способности к аналитическим рассуждениям и поставил передо мной амбициозную задачу попытаться установить экономическую природу бесхозяйственности (легко сказать!) — одну из самых актуальных проблем Советского Союза. Я был молод, самоуверен, полон сил и энтузиазма, не представлял всей сложности поставленной передо мною задачи, а поэтому взялся за это дело. В течение года упорно работал, читал книги, статьи, доклады, беседовал с людьми. И после этого представил А. Н. Малафееву записку на 16 страницах, в которой обосновал три основные, на мой взгляд, причины бесхозяйственности, а также особенности связей между ними. А именно:

1. Нарушение закона стоимости, т.е. принципа эквивалентности при взаимоотношениях хозяйствующих субъектов;
2. Несоответствие повсеместно используемой повременной формы оплаты трудовому вкладу каждого работника, что вело к незаинтересованности их работать с полной отдачей;
3. Сверхцентрализация управления.

Вопрос: *И какова была реакция на Вашу работу у Алексея Николаевича?*

Ответ: В целом мои выводы он одобрил. И предложил мне:

— *А теперь подумайте, что надо сделать, чтобы бесхозяйственность устранить?*

Для меня было очевидно: чтобы исключить какие-либо недостатки, надо ликвидировать их причины. Поэтому я начал работать в этом направлении, но у меня ничего не получалось. В течение следующих 10 лет пересмотрел около 20 моделей новых форм хозяйственной организации. Для этого использовал сетевой метод анализа, т.е. брал листы ватмана, помещал на них квадраты, обозначающие разные факторы производства и повседневной жизни, устанавливал связи между ними, их особенности, реакцию на те или иные действия. Перепробовал множество решений, в том числе введение частной собственности на средства производства, ослабление административного диктата, использование демократичных методов подбора и контроля кадров, внедрение рыночных регуляторов, цен, оплаты по труду и ещё многое другое. Но после анализа последствий от реализации указанных факторов у меня всё становилось только хуже.

Перечитал огромное количество литературы, журналов, переработал множество работ классиков, ведущих философов, учёных-экономистов, хозяйственников. Записывал рождающиеся мысли всегда и везде: зимой и летом, днём и ночью, дома, на работе и в транспорте. Завёл их картотеку, систематизировал. Ознакомился с опытом тогдашних преобразований в Югославии, с основными положениями «косыгинских» реформ, с Щёкинским экспериментом и др. — ничего мне не помогало. Читал литературу по истории, логике, культуре, синергетике, кибернетике, по теории систем и даже эзотерике, однако чем больше читал, тем меньше понимал. Логика рационального хозяйственного развития не выстраивалась. Нередко в изучаемых

трудах находил явные алогизмы, притяннутость фактов к идеям, предвзятость мнений, и от этого экономика как наука становилась для меня всё менее вразумительной.

Помогало мне лишь то, что я — физик-теоретик и не имел базового экономического образования. То есть не был связан какими-либо догмами, существующими понятиями, не ограничен авторитетами. Мне не нужно было сдавать экзамены по темам, которые вызывали у меня сомнения, кому-то что-то доказывать, подлаживаться под других, следовать конъюнктуре. Иначе говоря, я был свободен в своих поисках и ни от кого не зависел, творил в полном соответствии с собственными представлениями о предмете. Мне не нужны были доклады, публикации, должности, диссертации и одобрения. Я уже был и кандидатом, и доктором наук, и доцентом, и профессором физики, и меня это вполне устраивало.

Понимал, что экономические законы не могут противоречить законам мироздания, которые я, как физик, представлял. А поэтому мог отличать, что соответствует Природе, а что — нет, какие предложения являются перспективными, а какие — тупиковым. Параллельно занимался своими техническими делами, писал статьи и книги, учил студентов, решал бытовые проблемы, руководил научным кооперативом, строил дом, кормил семью.

Вопрос: *К каким же выводам, в конечном итоге, Вы пришли?*

Ответ: После того, как я проделал столь большую работу, мне стало очевидно, что экономика представляет собой не конгломерат завязанных друг на друга факторов, механизмов, страстей, структур и производственных отношений, которые можно менять произвольным образом, а **жёсткую систему**. Которая сформирована работающими в ней прямыми и обратными, положительными и отрицательными связями, образует единое и нерасчленимое целое. А у систем работают свои законы. Так, в них нет ничего лишнего, случайного или произвольного. Процветает лишь то, что соответствует их природе, и неспособно выживать ничто, чуждое им, вне зависимости от того, какие заманчивые перспективы оно ни сулит.

Причём каждая система обладает собственными генетически присущими ей качествами, достоинствами и недостатками, избавиться от которых в рамках действующей её модели невозможно. Как не сделается кот тигром, как бы его ни называли, чем бы ни кормили, в какие бы условия ни ставили. В общих чертах система именно такая и другой быть не может. Так, капиталистические государства не способны существовать без всеобщей эксплуатации сильными слабыми, без инфляции, без безработицы и без вопиющей пропасти между богатыми и бедными. А социалистические — без произвола и засилья чиновников, бесхозяйственности, без дефицита всего и вся.

Отсюда следует, что **системный кризис** можно лечить только **системными мерами**, т.е. ликвидировать недостатки существующей хозяйственной системы ни параллельными, ни последовательными действиями невозможно. Они могут лишь несколько улучшить или ухудшить положение, не более. **Но именно таковыми и являются все ныне существующие Программы усовершенствования экономики (!)**. В полной мере кардинальные недостатки организации можно уничтожить только заменой одной системы другой, в которой они будут невозможны в принципе. Поэтому именно эти положения и легли в основу моих дальнейших исследований.

Вопрос: *И каковы были Ваши последующие действия?*

Ответ: Первые проблески понимания основ экономики стали проявляться, когда накопленное мною количество знаний, в том числе физических и математических, перешло в новое их философско-экономическое качество. Это явилось как бы спусковым крючком, после срабатывания которого мне стало очевидно, что разгребать сложившиеся за века «авгиевы конюшни» бесполезно, что надо выйти из тенет существующих экономических догм, начинать всё самому и сначала.

Только после этого у меня медленно началась созидательная работа по фундаментальным основам экономики. Это потребовало дополнительного анализа, знакомства с новыми идеями,

лицами, бесед, размышлений. Для систематизации новых знаний я завел специальные блокноты, в которых заносил собственные и чужие мысли. Писал записки, в которых анализировал различные точки зрения по актуальным вопросам экономики. Прикидывал, как будут работать рассматриваемые мною модели в той или иной жизненной ситуации. Искал те из них, которые являются более универсальными и одновременно решают много проблем. Систематизировал и ранжировал их, проявляя, таким образом, контуры гармоничной организации хозяйства. Писал статьи и обзоры, оглашать которые ещё не решался. И на это у меня ушло ещё несколько долгих десятилетий.

Вопрос: *Не могли бы Вы рассказать подробнее, когда стали обнаруживать получаемые Вами результаты?*

Ответ: После защиты диссертации на звание доктора технических наук у меня высвободилось время. И я решил подвести итоги всей проделанной мною работы по экономике. Результаты их были представлены в брошюре под названием «**Альтернативный путь реорганизации экономики**», 1993 г. — 59 с. ^[2].

В ней я сформулировал кардинальную цель экономики: не приносить прибыль, доход или зарабатывать деньги, как в ныне существующей её модели, а удовлетворять потребности людей, что совсем не одно и то же. И это задало вектор всех дальнейших моих рассуждений. В их рамках я описал, чем производительный труд отличается от непроизводительного, а предметы потребления — от средств производства. Каковым может быть главный критерий состояния экономики — общественная производительность труда, как и от чего он зависит. Ввёл единицу измерения абстрактного человеческого труда и оценил общественную трудоёмкость изделий. Рассмотрел основу таких факторов экономики, как стоимость, деньги, цена и оплата труда. Наметил некоторые меры, направленные на достижение государством требуемого состояния.

Для меня, как не имеющего специальное экономическое образование, была важна реакция маститых учёных-экономистов на данную брошюру и на изложенные в ней мысли. Это было время динамичных перемен, поэтому допуск до известных личностей ещё не был таким затруднительным. Они сами искали новые идеи и были готовы воспринимать альтернативные точки зрения. Неожиданно для меня брошюра вызвала большой интерес.

В частности, высокого мнения о ней были академик РАЕН д.э.н. профессор Г. Х. Попов — первый мэр Москвы, который решил переиздать её в издательстве ВЭО, но у него что-то не сложилось. А также д. т. н., д.э.н. профессор, член-корреспондент РАЕН проректор по научной работе Ленинградского института текстильной и легкой промышленности Ф. Ф. Бездудный, который признал справедливость изложенных в ней мыслей. Кроме того, ею заинтересовались многие другие. Неудивительно, что вдохновлённый их поддержкой, я продолжил развивать выказанные положения.

В результате в 1997 году вышла уже полноценная монография «**Проблемы и пути реорганизации экономики России**» — 242 с. ^[3]. В ней было приведено более полное описание всего, изложенного ранее, в том числе уточнение цели экономики, потребления, производительности труда и др. Кроме того, с использованием «дерева организации» было установлено принципиальное различие между вертикальными и горизонтальными связями хозяйственных субъектов. При этом было замечено, что горизонтальные связи между ними обеспечивают процессы **разделения труда**, инструментом реализации которых выступает **рынок**. А вертикальные связи ответственны за **кооперацию труда** и их инструментом служит **власть**, административное управление.

Причём ни один из данных диалектически противоположных факторов не является ни универсальным, ни самодостаточным, каждый из них обладает как преимуществами, так и слабостями. Что в эффективно организованной экономике оба фактора призваны работать сообща, усиливая достоинства и компенсируя недостатки друг друга. Отсюда следует, что в капиталистической экономике работают преимущественно рыночные связи, а в социалисти-

ческой — административные. И данные обстоятельства устанавливают как негативные, так и позитивные качества указанных формаций.

В книге были описаны также Фондовые механизмы хозяйствования, представляющие собой специфический синтез науки, образования и производства, весьма перспективные и действенные. Они широко применяются во всём мире, но мало знакомы советским и российским экономистам. Материалы о них мне передал Президент «Академии нового мышления» Ю. Н. Забродоцкий, который является главным идеологом и разработчиком данных механизмов в России, когда он не смог сам заниматься этой проблемой по состоянию здоровья. После чего я кардинально переработал полученные материалы, систематизировал их, дополнил недостающие звенья и сделал их теорию удобочитаемой.

Кроме того, мною был проанализирован ход рыночных преобразований в нашей стране и их итоги к тому времени. Показано, как влияли на них приватизация, порождённая ею эксплуатация и их специфические особенности. Подтверждена гипотеза о трудовой природе стоимости, об объективном содержании денег и о влиянии их номинала на цены товаров. Исследована инфляция, её природа и воздействие на реальную экономику. Предложены некоторые меры, которые могут способствовать гармонизации экономики и человеческих отношений.

Данная книга вызвала ещё больший интерес. Научным редактором её стал директор Ленинградского экономико-математического института, крупнейший специалист в области математического моделирования в экономике, социологии и гуманитарных науках, один из пионеров применения информационных технологий в социально-экономических исследованиях д. э. н. профессор Борис Львович Овсиевич. Будучи смертельно больным, он, лёжа в больнице, тщательно проштудировал книгу, одобрил её и сделал в ней ряд ценных замечаний.

Ею заинтересовался акад. РАН Л. И. Абалкин, обнаружив в ней признаки фундаментальности. Президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. И. Вольский говорил мне, что по ней он готов сдавать экзамен. Высокую оценку ей дал Заведующий отделом журнала «Международные отношения», ст. научный сотрудник Института мировой экономики д. э. н. профессор Б. М. Болотин, работавший с Е. М. Примаковым. Он произнёс слова, которыми я буду гордиться всю жизнь: «*Пока такие книги пишутся, Россия не погибнет!*». А также член-корреспондент РАЕН д.э.н. профессор А. И. Муравьев — проректор по научной работе СПбГУ экономики и финансов и другие ученые. При этом отрицательных отзывов не было.

Вопрос: *Так что же тогда помешало активной популяризации Вашей теории, внедрению основных её положений?*

Ответ: Прежде всего я сам, поскольку ещё не чувствовал себя готовым предоставлять серьёзные рекомендации. Кроме того, у всех перечисленных мною лиц были свои проблемы и они, как опытные люди, не могли идти против общего течения реализуемой тогда государственной политики. Понимали, что не недостаток прогрессивных идей определяет позиции реформаторов, а нечто совсем другое. И потом, кого в сложившихся условиях интересовало их мнение?!

Поэтому я приступил к написанию новой, более основательной монографии: «**Экономика XX1 века или третий путь развития**»^[4]. Научным редактором её стал Юрий Михайлович Осипов — д.э.н. профессор, заслуженный деятель РФ, директор Центра общественных наук при МГУ. В ней было проанализировано современное состояние мировой экономики, последствия её глобализации и место в ней российских реформ. Исследована деятельность транснациональных корпораций, воздействие на мировые процессы информационных технологий. Развита ранее изложенные понятия о потребностях, предметах потребления, о труде, стоимости, деньгах и ценах, чтобы они сохраняли логику и объективность. А также исследована связь культуры и экономики, влияние цивилизаций на оптимизацию хозяйственных процессов. И всё это было систематизировано, рассматривалось с единых позиций, чтобы указанные факторы были взаимоувязаны, самосогласованы, скреплены единой логической канвой.

В этой связи в монографии была представлена общая теория экономических систем. Согласно ей, для построения гармоничной экономической модели не требуется реализовывать множество мер, направленных на решение каких-то локальных проблем, а нужно внедрить всего четыре системообразующих мероприятия. А именно: реорганизовать финансовую систему, придав ей объективное содержание и используя двухконтурную модель денежного обращения. Усовершенствовать налоговую систему как форму финансирования собственных коллективных и общественных потребностей налогоплательщиков. Внедрить прогрессивные производственные отношения, в которых совмещаются интересы государства, собственников и наёмных работников. Изменить систему формирования и оплаты труда администрации, что сделает её более компактной, профессиональной и ответственной. Все эти положения в книге подробно обоснованы и описаны.

И данные системообразующие мероприятия уже создадут благоприятные условия для реализации вспомогательных мероприятий, в том числе для построения прогрессивного образования, здравоохранения, культуры, производства и транспорта. Чтобы эти преобразования встречали поддержку других факторов экономики, а не противодействовали им, как сейчас. А главное, приведена Программа Ладземли, под которой понимается отдельно взятая достаточно крупная территория, производственное объединение, отрасль хозяйства или целое государство, на которых могут без глобального риска быть отлажены главные мероприятия предлагаемой реформы.

Как ни странно, но данная монография, несмотря на большую её зрелость, встретила прохладный прием. Возможно, это объяснялось большим объёмом, который отпугивает читателя (735 с.). Однако логичнее предположить, что к середине нулевых годов вектор развития страны, несмотря на все его пороки, уже установился. Рождённая «лихими» 90-ми годами «элита» уже забронзовела и ни в чем новом, а тем более кардинальном, уже не нуждалась.

Вопрос: *И после этого у Вас не опустились руки?*

Ответ: Нет, я этого ожидал и поэтому продолжил совершенствовать свою теорию. Результатом стали две следующие монографии: **«Введение в фундаментальную экономику»** ^[5] и **«Начала фундаментальной экономики»** ^[6]. В них с целью сокращения объёма книг я исключил все разделы, без которых при изучении основ экономики можно было обойтись. И также уточнил и конкретизировал её основные положения.

Названия этих книг были вызваны следующими соображениями. К этому времени у меня появилась осознание того, что мною, в конечном итоге, разрабатывается не просто альтернативный путь развития, изучаются проблемы реорганизации экономики России или описывается третий, не капиталистический и не социалистический путь развития. А нечто большее: формулируются основы теории **Фундаментальной экономики**.

Стало ясно, что положения, которые я описал, это не просто предложения, отвечающие каким-то требованиям, способствующие решению тех или иных проблем, а закономерности, вытекающие из объективных принципов построения гармоничного общества. Что они, подобно законам Ньютона, основополагающие, не зависят от конъюнктуры и не будут меняться со временем. Причём сформулированные законы оказались столь простыми и очевидными, они что не могли не отображать реально протекающие в Природе процессы.

Более того, стало понятно, что полученные закономерности работают и сейчас вне зависимости от того, известны они или нет, что о них думает тот или иной классик. И чем в большей степени организация государства соответствует этим законам, тем совершеннее его состояние, эффективнее работает в нём экономика, выше жизненный уровень населения и гармоничнее производственные отношения. Что эти правила справедливы не только для России, но и для других стран мира, как развитых, так и развивающихся.

И данное понимание определило весь дальнейший ход моих рассуждений.

Вопрос: *Круто! И очень любопытно. Так что же Вы стали делать, осознав это?*

Ответ: Мне стало очевидно: чтобы всё это упрочить, надо более подробно и наглядно описать выявленные мною закономерности. Сделать так, чтобы они стали более понятными, простыми и убедительными. Доступными для понимания каждым вне зависимости от его подготовки, уровня знаний или образования, профессиональной деятельности или культуры.

Для этого я подготовил и опубликовал монографию **«Теоретические основы фундаментальной экономики»** [7]. В ней были более тщательно проанализированы основные закономерности фундаментальной экономики, установлена логическая связь и последовательность формирующих её факторов. Рассмотрено, каким образом из них образуются структуры, отвечающие всем принципам высокоорганизованных экономических систем, какими потенциальными возможностями они обладают. И как можно строить их на отдельно взятой территории, чтобы была не утрачена стабильность, не было каких-либо социальных и правовых катаклизмов, переделов собственности или репрессий. Чтобы развитие страны вступило в эпоху плавного перехода к высокопродуктивной экономике и к отвечающему ей государственному устройству.

После издания и знакомства с книгой авторитетные люди обратили внимание, что в ней описана не просто теория фундаментальной экономики, а представлен новый порядок, основанный на добре и справедливости. Что сформулирован неизвестный ранее принцип организации социальных и производственных отношений в обществе. Изменены приоритеты и ценности человеческого взаимодействия, соблюдения моральных и нравственных устоев, отличных от ныне существующих. Что они способствуют тому, чтобы полезная деятельность была более доходной, а вредная оказывалась нерентабельной. Таким образом, представлен новый вид человеческого **миропорядка**.

И поэтому мне ничего не оставалось, как подготовить и издать новую книгу, в которой акцент сделан на указанные обстоятельства. Она называлась **«Альтернативная экономика или Новый миропорядок»** [8]. Научным редактором её стал замечательный учёный и человек, д.э.н. профессор, Зав. кафедрой Экономической теории СПбГУ, академик РАЭН, Заслуженный работник Высшей школы РФ Рязанов Виктор Тимофеевич. Он тщательно проштудировал эту книгу и внёс в неё некоторые уточнения.

Затем пришло понимание того что в действительности разработаны принципы построения не просто альтернативной экономики, отличной от всех ныне существующих, а экономики Гармоничного, т.е. нравственного и высокопродуктивного типа. Поэтому я подготовил и издал новую книгу: **«Гармоничная экономика или Новый миропорядок»** [9]. Она была переведена на англ. язык: **«Harmonious Economics or The New World Order»** [10]. В данной книге главный упор был сделан на формирование принципиально нового типа экономики и миропорядка, а именно Гармоничного. После этого вышло второе, дополненное издание той же книги [11].

В нём совмещены интересы государства, общества и отдельных личностей вне зависимости от того, какой полезной деятельностью они занимаются. Частная собственность соседствует с коллективной и государственной, активно работают как административные, так и рыночные регуляторы, находят место как стихийные, так и разумные инструменты управления. В которой богатства не лимитируются, но получают лишь когда они заработаны общественно полезным трудом, собственным талантом и опытом, а не за счёт других. Деньги в ней служат покорными слугами людей, а не капризными их хозяевами.

Вопрос: Но причем здесь Коммунизм?

Ответ: Любая социальная идея зиждется на чем-то предшествующем. Ведь человечество — слишком большое и долго живущее образование, чтобы в нём не было зародышей всего возможного. Каковы идеологические истоки Гармоничной организации труда и человеческого общежития?

В этой связи обратим внимание, что ожидаемые результаты внедрения Гармоничной экономики, как царства Добра и Справедливости, в полной мере соответствуют гипотетическому государственному устройству, которое получило наименование «Коммунистическое». Но построенному на совершенно иных принципах. Не как естественный переход от царства антагонизма и классовой борьбы к царству Свободы и Благополучия, а **как итог всеобщей гармонизации производственных и общественных отношений, совмещения интересов всех социальных групп, народов и сословий, их кооперации, а не вражды**. Из этого следует, что Коммунизм — это не идея, не политика и даже не идеология, а неизбежный результат совершенствования человеческих отношений, основанный на законах равновесия, характерных для всех явлений Природы, качественный переход Человечества в новое состояние.

Поэтому стало очевидно, что Новый миропорядок со всеми характерными его качествами — это порядок Коммунистический. Отсюда потребовалось пересмотреть некоторые ранее выработанные положения, относящиеся к Гармоничной экономике, подчинив их одной глобальной цели, направив каждый её раздел на построение экономики именно Коммунистического типа. Уточнить инструменты указанной организации, принципов и соответствующих механизмов такой качественной трансформации. Рассмотреть зародыши такой организации в виде русских общин, артелей и земств. Представить конкретную Программу её реализации в нынешних условиях.

Вопрос: *Каким образом Вы продвигали свои идеи?*

Ответ: Я обнародовал их любыми доступными мне способами: писал статьи в сборники, в журналы, в газеты. Неоднократно выступал на различных конференциях, симпозиумах, конгрессах, в том числе дважды в Московском Доме Учёных, что вызвало большой интерес. С докладом «Гармонизация финансовой системы» выступил на VII Международной Научной конференции «Education, Science, Culture and Peace» в Женеве (ООН) 5 — 7 сентября 2016 года. Совместно с Президентом МУФО Шанти П. Джаясекара получил Патент от 02.10.2013 г. на открытие Международного Института Интеллектуальной собственности «Гармоничная финансовая система». В 2013 году прочитал 36-и часовой **авторский курс** лекций студентам 4-го курса экономического факультета Смольного университета СПб по теме «Введение в фундаментальную экономику». Студенты прослушали его с большим интересом.

Вопрос: *Много ли было тех, кто активно содействовал в Ваших поисках фундаментальных основ экономики?*

Ответ: В этом мне помогало множество людей. Трудно перечислить каждого из них, но в наибольшей мере хочется отметить Президента «Академии нового мышления» Ю. Н. Забродоцкого, экс-главу ГУВД СПб и Лен. обл. генерал-майора А. В. Пониделко, д.э.н. профессора Ярославского филиала ЛГУ В. И. Корнякова, Ректора Международного Университета Фундаментального Обучения (МУФО), Президента Межправительственного Высшего Ученого Совета Оксфордской системы Шанти П. Джаясекара, а также многих других неравнодушных людей. Поклониться покойной жене, Чабановой Ларисе Анатольевне, выразить признательность сыну, Чабанову Павлу Владимировичу, без помощи и поддержки которых эта книга не могла бы появиться на свет. А также поблагодарить жену, Акаеву Лидию Павловну, которая стала главным помощником при работе над книгой. Всем им хочу выразить искреннюю признательность.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Глава 1. ЭКОНОМИКА КАК НАУКА

§1.1. КОММУНИЗМ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Управление малоэффективно, если (оно) не учитывает традиции народа, его культуру, специфическое восприятие людьми неэкономических ценностей, не «погружено» в культуру
«Книга правителя области Шан» — древний китайский трактат^[94]*

1.1.1. Коммунизм: идеология, утопия или реальность?

— I —

По определению, **Коммунизм** (от лат. communis — общий) представляет собой социально-философское учение об идеальном общественно-политическом устройстве, основанном на принципах правды, равенства и социальной справедливости. В нём вся власть принадлежит народу, отсутствуют различия между богатыми и бедными, сильными и слабыми, образованными и не очень. Каждый получает всё необходимое ему для достойной жизни вне зависимости от его способностей и трудовых достижений просто в силу принадлежности к человеческому роду. Это — наилучшая из всех возможных форм организации человечества с точки зрения социальной справедливости, производительности труда и жизненного уровня населения. А поэтому она может служить эталоном, с помощью которого можно оценивать степень прогрессивности всякой государственной и общественной организации, реформ и революций.

Запрос на справедливое общество без социального расслоения людей зародился ещё в древних Египте, Греции, Месопотамии. Оно представлялось в массовом сознании как «Царство Божие», в котором всё правильно, всё по совести. Его поклонником был великий Платон, который в книге «Государство» писал, что справедливое общественное устройство невозможно без того, «чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни»^[12]. Мечты о коммунизме появились задолго до возникновения христианства, они зародились вместе с расслоением общества на классы и началом борьбы между ними. Так, во 2 веке до нашей эры вплоть до 1 в. нашей эры в Израиле существовала секта ессеев, которую считают предшественницей христианства. Они жили коммунами, имели общую собственность, трудились коллективно, осуждали социальное неравенство и рабство. Их идеи и освоило раннее христианство.

Многие признаки коммунизма наблюдались в среде египетских жрецов, иудейских пророков, греческих философов, славянских язычников, инков и ацтеков. Причём в своём стремлении к всеобщему равенству некоторые «коммунисты» нередко заходили слишком далеко. Так, древнегреческие софисты считали необходимым обобществлять не только имущество, но также жён и детей. Сторонником коммунистических идей был философ и математик Пифагор:

он и его ученики жили большой коммуной, всё имущество которой находилось в совместной собственности, и многие другие.

Внимание к данной идеологии неслучайно. Обогащение кучки паразитов, живущих в роскоши и бездельи за счёт тяжкого труда других людей, было слишком очевидным, чтобы его не замечали лучшие мыслители своего времени. Искренне сочувствуя эксплуатируемым, они обличали эксплуататоров и мечтали о справедливом общественном устройстве, при котором все люди будут трудиться во имя общего блага в условиях полной свободы и равенства.

Известно немало определений данного учения: *«Коммунизм <...> есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»* (К. Маркс и Ф. Энгельс ^[13]). *«Коммунизм — это цельная идеология пролетариата, и вместе с тем — это новый общественный строй. Эта идеология и этот общественный строй отличны от всякой другой идеологии и от всякого другого общественного строя и являются наиболее совершенными, наиболее прогрессивными, наиболее революционными, наиболее разумными во всей истории человечества»* (Мао Цзэдун ^[14]). Причём *«Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд»* (К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии ^[15]) и т. д.

Вместе с тем ни законченной теории коммунизма, ни единой точки зрения о путях его реализации не существует. Так, судя по их делам и творчеству, представления о коммунизме И. Сталина не похожи на взгляды Л. Троцкого и Мао Цзедуна. Коммунизм Фиделя Кастро и Че Гевары имеет мало общего с коммунизмом Г. Плеханова, Л. Брежнева и Генерального секретаря коммунистической партии Кампучии Пол Пота, во имя него уничтожившего половину своего населения.

При этом все солидарны с тем, что в коммунистическом обществе частная собственность на средства производства будет устранена, исчезнет товарное производство и как результат — уничтожится эксплуатация человека — человеком и классом — класса. Отомрут деньги и капитал, ликвидируется государство как аппарат классового принуждения. Хозяйство делается единым, обобществлённым, разрешая, тем самым, главное противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением его результатов. Предполагается, что тогда индивидуальные усилия каждого по исполнению коллективных обязанностей приведут к возникновению солидарности и взаимовыручки в межличностных и в производственных отношениях, в связи чем люди станут более трудолюбивыми, нравственными, здоровыми и счастливыми.

Коммунистическая идеология неизменно пользовалась уважением среди массовых слоёв населения. Стремление устроить жизнь в соответствии с традиционными представлениями о добре и зле, правде и справедливости неизменно присутствовало в народных чаяниях. Так, в начале нашей эры существовало множество мелких коммунистических общин, построенных на толковании христианского учения с его принципами коллективной собственности и равенства в распределении материальных благ среди их членов. Как пример, в народных религиозных верованиях, в тайных псалмах русских духоборцев, а также английских квакеров «детьми Каина» считались *«заражённые сребролюбием господ»*, а «детьми Авеля» — бедные люди, которые *«питаются своим трудом»*.

В V веке широкое распространение получило учение Пелагия — христианина, который пропагандировал идеи полного отказа от собственности. Он утверждал, что человек не грехо-

вен по своей природе и что богатые не получают доступа в царство Божие. В XI—XIII вв. во многих странах Европы распространилось учение катаров, в котором содержались определённые признаки коммунизма. В конце XV века огромную популярность приобрёл чешский проповедник Богейм, требовавший обобществления всей земли и обязательного труда для всех, в том числе для знати и духовенства. В XVI веке английский политический деятель и философ Томас Мор написал книгу «Утопия»^[16], где изобразил идеальное (на его взгляд) общество, в котором жители островного государства Утопия получают всё необходимое в обмен на обязательный ежедневный 6-и часовой труд и т. п.

Лозунгами революционной борьбы в Чехии XV века (Ян Гус) и Крестьянской войны в Германии XVI века (Т. Мюнцер) стали призывы к свержению власти вещей и денег, к построению справедливого общества на основе равенства людей и обобществления их имущества. Эти идеи можно считать коммунистическими, хотя их основа была сугубо религиозной — все равны перед Богом и обладание или не обладание собственностью не должно нарушать равенства в божественных правах на жизнь и в религиозных обрядах людей. Позже возник эгалитарный коммунизм — главная идеология буржуазных революций XVII — XVIII веков, в основе которого лежала идея, предполагающая создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех его членов. В Англии он появился в XVII в. (Дж. Уинстенли), а во Франции — в конце XVIII в. (Г. Бабёф).

В первой четверти XIX века в Англии появилось «Братство луддитов», которые боролись против внедрения машин в ходе промышленной революции, в результате которой они вытесняли из производства людей. Оно повлекло за собой разрушение многих шерстяных и хлопкообрабатывающих фабрик, пока английское правительство жестоко его не подавило.

Теоретические разработки первых систематизированных представлений о коммунистическом образе жизни основывались на идеологии Гуманизма XVI — XVII веков (Т. Кампанелла) и французского Просвещения XVIII века (Морелли, Г. Мабли). В начале XIX века А. Сен-Симон, Ш. Фурье и другие социалисты-утописты обогатили представление о справедливом общественном устройстве идеями о труде как о наслаждении, о расцвете способностей человека, об обеспечении его потребностей на основе централизованного управления и распределения по труду. При этом вразрез с коммунистическими идеалами социалисты допускали сохранение частной собственности и даже имущественного неравенства. Выражая протест против капиталистической системы угнетения и эксплуатации трудящихся, они выступали с проектами устранения классовых противоречий. В России наиболее крупными представителями утопического социализма были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Некоторые его принципы были заложены в основу учения об анархизме П. А. Кропоткина.

Научный коммунизм, как теоретическое обоснование пролетарского движения, направленного на уничтожение капитализма и создание справедливого общества, возник в 40-х гг. XIX века, когда классовая борьба между пролетариями и буржуазией в наиболее развитых странах Европы выступила на первый план (восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., подъём движения английских чартистов середины 30 и начала 50-х гг., восстание ткачей в Силезии в 1844 году и др.). В XIX веке английский филантроп Роберт Оуэн пытался устраивать коммунистические общины, которые, однако, просуществовали недолго.

Опираясь на материалистическое понимание истории и на теорию прибавочной стоимости, вскрывшую тайну капиталистической эксплуатации, К. Маркс и Ф. Энгельс разработали научную теорию коммунизма, выражающую интересы и мировоззрение революционного рабочего класса и отражающую лучшие достижения предшествующей общественной мысли. Они раскрыли всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма и творца нового строя. В 1848 году ими был выпущен «Манифест коммунистической партии»^[15], в

котором были представлены основные идеи построения пролетарского государства, в основу которых были заложены следующие принципы:

- упразднение частной собственности, в результате чего все владения будут принадлежать народу: *«коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожением частной собственности»*;

- отмена прав наследования;

- создание государственного банка, который выпускал бы единую валюту на всей территории страны и регулировал все финансовые операции;

- национализация транспорта, заводов, фабрик, сельских хозяйств, а также контроль государства за трудовыми ресурсами и образованием.

Позднее на основе марксизма в XX веке появились новые коммунистические учения, названные по именам их основателей: ленинизм, троцкизм, сталинизм и маоизм. А также идеология «чучхе», разработанная лидером КНДР Ким Ир Сеном и широко используемая в Северной Корее.

В целом порядок построения коммунистического общества предусматривал внедрение всеобщего бесплатного начального, профессионального и среднего образования, подчинение его промышленному производству. А также организацию социального обеспечения, необходимого для выживания незащищённых категорий граждан. Перевод банков и оптовой торговли под контроль государства путём их национализации или банкротства, закрытия за незаконную деятельность, выкупа акций и др. Обеспечение госзаказами крупных предприятий страны (для этого предполагалось наличие опережающего плана всеобщего развития). Запрет торговли за иностранную валюту (кроме специализированных валютных магазинов), национализация земли и недвижимости, предоставление трудящимся бесплатного жилья и отдыха.

При этом намечалось организовать планирование в соответствии с директивными показателями и спросом. Обеспечить полную занятость работников, внедрить бесплатное высшее образование, запретить тунеядство. Осуществить национализацию всех негосударственных предприятий, ввести тяжёлый прогрессивный подоходный налог, внедрить кооперативные формы хозяйствования. Приравнять крестьян к рабочим, а рабочих — к служащим, уничтожая, таким образом, деление общества на классы. Последовательно переводить предметы потребления и услуги в категорию бесплатных (вначале через абонемент и очередь на получение, а затем использованием различных форм оценки полезного вклада граждан). В конечном итоге вообще ликвидировать налоги и сделать всю минимальную потребительскую корзину бесплатной, сводя, таким образом, число платных товаров и услуг к нулю, что будет способствовать полному отмиранию денег.

Из представления марксизма о государстве как *«паразитическом наросте на теле гражданского общества»* логично следовало стремление понизить роль государства как машины насилия одних классов другими вплоть до полного его уничтожения за ненадобностью. Особое значение придавалось ликвидации противоречий между физическим и умственным трудом, объединению сельского хозяйства с промышленностью, слиянию города и деревни, устранению неравенства мужского и женского труда, запрету детского труда.

Образуемый таким образом политический режим, по версии К. Маркса, является переходным этапом от капитализма к коммунизму и называется **социализмом**. При нём закладываются условия для отказа от денег и от частной собственности, однако о равном распределении благ речь пока не идёт. *«От каждого по способностям — каждому по труду!»* — вот его образ. В соответствии с ним, всякий человек получает талон о том, сколько труда им вложено в производство, на основании которого он может получить те или иные блага. При этом возникает госкапитализм без национальных границ, без ВПК, без постоянной армии, с всемерным административным регулированием, с государственной собственностью на землю, ресурсы, средства производства, транспорт и связь, но с отсутствием самого государства (?).

Предполагалось, что при коммунизме ликвидируется порабощение человека путём разделения труда. Труд перестанет быть средством существования, а сделается потребностью, источником радости и вдохновения, способом самовыражения и самореализации. Люди уже будут работать не за деньги, а по зову сердца, в результате чего общественные интересы начнут соблюдаться более полно, чем личные. Отсюда повысится сплочённость общества, вместо конкуренции будут превалировать сотрудничество и взаимопомощь. Возникнут прогрессивные производственные отношения, которые придадут дополнительный импульс для совершенствования производительных сил, для разработки самых передовых технологий и оборудования, развития науки и образования. Вследствие этого количество общественных благ резко увеличится и жизненный уровень населения существенно вырастет.

При этом содержание жилищ и здравоохранение станут бесплатными, поскольку каждый человек в коммунистическом обществе будет представлять уникальную ценность и всячески оберегаться. Люди настолько привыкнут к соблюдению правил коммунистического общежития и их труд будет настолько производителен, что появится возможность реализовать принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Большинство управляющих должностей будут выборными, сами коллективы начнут избирать своих руководителей для управления предприятиями на определённый срок. Считается, что в этом и заключается основа народного самоуправления^{[17], [18]} и др.

Таким образом, идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей рисуют идеальную картину будущего, в котором навсегда покончено с несправедливостью и бесправием, каждый человек участвует в управлении государством и его структурами, в распределении доходов на справедливом уравнительном принципе.

Всё это предполагалось внедрить путём введения диктатуры пролетариата, неизбежной, как считалось, для решения поставленной задачи. При этом утверждалось, что «*Диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удешевлено её свержением <...> и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства*» (В. Ленин^[19]). И у него были свои предшественники: «*Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечом истребил бы остальную*» (В. Г. Белинский, «владелец дум» молодёжи России XIX в.).

Из-за этого попытки осуществить коммунистическое строительство в разных странах сопровождались невиданной жестокостью, стремлением уничтожать целые классы и категории граждан потому лишь, что они не принадлежат к пролетариату. Это привнесло в коммунизм качества, далёкие от принципов всеобщего добра и справедливости. И дало возможность правящим элитам организовать всеобъемлющую пропаганду против него, по-сути превратить его в жупел бесчеловечности, анархии и беззакония. Что, в конечном итоге, во многом и оттолкнуло гуманистов мира от идей коммунизма.

Тем не менее, интерес к данной теме не увядает, и в наше время теория коммунизма пользуется всё большим вниманием. Среди отечественных экономистов, вложивших наибольший вклад в развитие данной идеологии, можно отметить труды А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, С. Г. Кара-Мурзу^{[20] — [22]} и некоторых других. Они рассматривают многие аспекты коммунистического учения с точки зрения современных понятий.

— II —

С другой стороны, немалая часть учёных-экономистов и политиков считают коммунизм утопическим учением. И этому есть основания. Они заключаются, прежде всего, в недооценке в существующей концепции строительства коммунизма продуктивных факторов **обществен-**

ного разделения труда и преувеличении роли проявляющихся при нём (не фатальных!) негативных его последствий. В самом деле, в «Критике Готской программы» К Маркс писал: *«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда <тогда> труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни»* [17].

При этом под разделением понимается такое обособление труда, при котором работники занимаются разнородной производственной деятельностью и обмениваются её результатами, вследствие чего их труд дифференцируется и специализируется. Данное явление, как экономический феномен, впервые было исследовано Адамом Смитом [23]. И по результатам его он сделал вывод, что разделение труда приводит к величайшему прогрессу в развитии производительных сил общества, способствует его совершенствованию и процветанию.

Более того, что именно оно является одним из главных инструментов построения эффективного производства, без которого благополучие человечества оказывается невозможным. В самом деле, натуральное хозяйство и сопутствующий ему первобытный коммунизм потому и преобразились в нынешнее высокоразвитое производство, что в нём в широких масштабах стали использовать общественное разделение труда. Все другие факторы, в том числе совершенствование орудий труда, развитие науки и технологий, производственные отношения и др. только сопутствуют данному процессу.

Кроме того, разделение труда по временному, профессиональному, территориальному, возрастному и половому признакам дало возможность в значительной мере увеличить производительные возможности человека, повысить его культуру и образование. Оно позволяло в наибольшей мере использовать специфические особенности работников, их вкусы и предпочтения, повышать квалификацию и мастерство, способствует лучшему использованию природных и трудовых ресурсов общества. Именно данное явление сформировало современное отраслевое и хозяйственное деление производства, привнесло в него структурирование и специализацию. Не вызывает сомнений, что без использования указанного фактора общество возвратится к первобытному, жалкому существованию, а поэтому при исключении разделения труда ни о каком коммунистическом изобилии речь идти не может.

Тем не менее, классики коммунизма активно выступают против разделения физического и умственного труда, намереваются устранить различия между городом и деревней, мужчинами и женщинами, хотя это вряд ли возможно и целесообразно. В самом деле, детей рожать могут только женщины! То есть не принимают во внимание природное многообразие человеческих натур и характера их деятельности, фактически обезличивают, унифицируют людей.

Вызывает также сомнение намерение коммунистов ограничить влияние других факторов, следующих из процессов разделения труда. В том числе желание ликвидировать товарное производство и сами деньги, чтобы они не приводили к ограблению одних людей другими. Вместе с тем возможно ли разделение труда хозяйственных субъектов в принципе, если они не смогут напрямую обмениваться продуктами своего труда? Сможет ли бартерный товарообмен должным образом решать эту задачу?

В этой связи деньги, как универсальные посредники при обмене продуктами труда хозяйственных субъектов, работающих в условиях всемерного его разделения, поистине незаменимы. Как можно организовать этот процесс, чтобы он был удобным и справедливым, если деньги исчезнут вовсе? Что явится их заменителем? Специальные талоны, чеки, сертификаты, абонементы, очереди или другие каких-либо инструменты? И чем они будут лучше денег? Поэтому вместо того, чтобы отвергать деньги как таковые, нужно придать им такую форму, при которой они не смогут использоваться как капитал, как источник паразитического дохода, но сохраняют свои посреднические функции. А это вполне исполнимо.

И то же относится к классам. Очевидно, что профессиональные деления людей не образуют антагонистические классы, подлежащие уничтожению в коммунистическом обществе. Трудно согласиться с тем, что промышленные рабочие — это один класс, а сельскохозяйственные — совсем другой. На самом деле, по большому счёту, существуют лишь два антагонистических класса: эксплуататоров и эксплуатируемых, вот это деление и следует уничтожать. Но не физически, а организационно. Поэтому если всё построение общества будет способствовать ликвидации эксплуатации как явления, это автоматически приведёт к исчезновению и самих антагонистических классов, и борьбы между ними. А если ещё будет реализована оплата по труду, тогда уже не потребуется бороться за равноправие граждан и сохранится только естественное неравенство, соответствующее персональным возможностям людей. И это также может быть организовано.

Кроме того, отношение экономистов к собственности на средства производства крайне ангажировано. Так, одни считают её панацеей от всех бед, а другие — их источником. На самом деле собственность, как всякое общественно-юридическое явление — фактор весьма неоднозначный. Поэтому нельзя полагать, будто везде, где её используют, народы благоденствуют, а где нет — влачат жалкое существование или наоборот. В действительности каждый вид собственности имеет свою нишу, в которой он оказывается продуктивнее других. Но решать вопрос о том, где частная собственность полезна, а где — вредна, призвана здоровая конкуренция, сами люди, а не политики или идеологи. Учитывая особенно, что любое насильственное изменение прав собственности приводит к колоссальным общественным катаклизмам, к борьбе и жестокости, которых следует избегать.

С другой стороны, главное зло не в самой собственности как таковой, а в возможности её использования в качестве инструмента эксплуатации. Так, если она основана на личном труде, тогда должна быть неприкосновенной. А если создана с помощью эксплуатации чужого труда, т.е. присвоена мошенническим, грабительским путём, тогда ни по моральным, ни по этическим, ни по производственным соображениям сохранять её не следует. На самом деле важно не то, кому принадлежит собственность, а в какой степени она работает на общество, как влияет на производственные отношения, насколько справедливо распределяются результаты труда. В этой связи собственность как таковую следует не уничтожать, а наделять другими, непаразитическими функциями.

И с государством тоже не всё столь однозначно. Понятно, что с капиталистическим государством с его аппаратом принуждения и защиты интересов эксплуататоров должно быть покончено. Но это вовсе не значит, что государство, как форма общественного объединения, может быть только угнетающим и другим быть не способно. В действительности трудящиеся нуждаются в консолидирующей их конструкции, призванной обеспечивать кооперацию, защищать общие интересы и заботиться о них, как бы она ни называлась. Поэтому при переходе к коммунистическому обществу государство не только не исчезнет, а скорее переродится, делается и более справедливым, и более человечным.

Кроме того, некоторые из коммунистических идей исключают другие. В самом деле, при коммунизме предполагается сделать **бесплатными** образование, здравоохранение, воспитание детей и социальное обеспечение граждан. И при этом намерены отказаться от частной собственности, национализировать негосударственные предприятия, отменить налоги, уничтожая, таким образом, существующие источники финансирования этих благ. Кто же тогда будет за них платить? Вместе с тем все они могут создаваться только человеческим трудом, то есть самими гражданами, поэтому в какой степени можно считать их «бесплатными»?

На самом деле речь должна идти не об ординарном уничтожении каких-то инструментов капиталистической эксплуатации, а о создании механизмов распределения производимых обществом продуктов, которые будут соответствовать коммунистическим идеалам. Но вот этим вопросам в существующей коммунистической литературе уделяется мало внимания. А

ведь наличие социальных проблем в стране — это верный признак уродливой её организации, не более. Но это не всеми осознаётся.

Исходя и всего изложенного, становится очевидным, что если пользоваться старыми лекалами, **в рамках существующей парадигмы хозяйственного развития построить коммунизм со всеми присущими ему качествами правды и всеобщего благополучия невозможно**. Как нельзя превратить свинец — в золото, к каким бы алхимическим приёмам ни прибегали. Ведь коммунизм — это качественно новая система, а поэтому строить его с использованием понятий, работающих в совсем другой формации, бесперспективно. В этой связи **при существующей парадигме развития коммунизм на самом деле становится нереальным, утопическим, красивой сказкой, а не грядущей реальностью**.

— III —

И вместе с тем, как показал анализ, коммунистическая идеология не только не является утопией, но вполне реалистична! Более того, внедрение коммунистической идеи со всеми её привлекательными качествами добра и справедливости в наших условиях не только возможно, но и жизненно необходимо! В самом деле, чтобы не погибнуть под гнётом паразитической повседневности, у человечества другого пути нет! Более того, коммунистическая организация может быть построена в не очень длительные сроки! Однако совсем не так, как об этом писали классики, т.е. не путём борьбы и победы трудящихся, уничтожением насилия путём насилия, а с помощью кооперации всех слоёв населения, консолидации их интересов. Не истреблением эксплуататорских классов как таковых, а использованием их таланта и энергии в интересах общества. Путём ликвидации эксплуатации как явления, созданием условий, при которых она сделается невозможной в принципе.

То есть внедрением такой организации, при которой воровать и жить за счёт других будет не только сложно, но и невыгодно. Когда приносить пользу людям и благоденствовать за счёт собственного труда и таланта станет значительно легче, чем путём их эксплуатации. Сохранением прогрессивных функций денег при невозможности их использования в качестве паразитических инструментов. **Именно о такой организации и об её научном обосновании идёт речь в представленной монографии и в других трудах автора.**

Понятно, что для этого потребуются поменять взгляды на многие считающиеся очевидными понятия. Изменить теорию, философию и практику хозяйства, которая складывалась веками и, в конечном итоге, привела человечество в тупик. Внедрить другие цели и приоритеты, чем принятые ныне. Сменить парадигму организации общества, использовать новые инструменты развития, изменить его цели и механизмы. И тогда уже появится совсем другая экономика, возникнут производственные отношения с новыми качествами. То есть надо менять правила игры, а не игроков, не способы их расстановки или наименований.

В самом деле, ведь коммунизм со всеми его атрибутами — это принципиально другая, новая политико-экономическая формация со своими специфическими качествами, которых не существовало раньше, а поэтому создать его с помощью старых инструментов невозможно. Как нельзя построить автомобиль, пользуясь инструментами, с помощью которых строили кареты. И ожидать, что со временем, путём всевозможных эволюций и мутаций карета превратится в автомобиль, а тем более в самолёт — крайне наивно. *«Никто не приставляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерёт, и к старой не подойдёт заплатка от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие»* (Евангелие от Луки гл. 5 стр. 36 — 39). Но для этого и рассуждать, и делать всё следует иначе, и знать надо другие истины.

А поскольку коммунистическое общество — это качественно другая формация, значит отличаться от существующих она должна, прежде всего, не уровнем материально-технического обеспечения, как считается сейчас и который в полной мере доступен и другим формациям, а

организационными, ценностными, инструментальными факторами. В связи с чем при построении коммунизма надо главный упор делать на эти качества, а этого можно достичь значительно быстрее и легче. Нужно лишь знать, как это можно сделать, политическая воля и поддержка граждан.

В чём, на наш взгляд, заключается принципиальная несовместимость ныне действующей и коммунистической экономики?

Прежде всего в её целях. В самом деле, когда приоритетным при организации всякой деятельности и всего государства считается получение дохода, прибыли любой ценой, а не польза людям, трудно ожидать, что это приведёт к всеобщему благополучию. Утверждение о том, что чем лучше бизнесу, тем легче живётся в стране людям, т.е. *«То, что хорошо для „Дженерал Моторс“, выгодно и для США»* (Вудро Вильсон, американский Президент) крайне ангажировано. Трудно согласиться с тем, что *«... благосостояние института бизнеса и того, что его окружает, нераздельно»* (Рендолл). Как будто чем богаче стол у миллионеров, тем меньше голодных вокруг.

Более того, интересы бизнесмена *«никогда полностью не совпадают с интересами общества, т.е. он обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение»* (Адам Смит ^[23]). Поэтому процветание бизнеса и общественное благополучие не всегда совпадают, а зачастую противодействуют друг другу. Так, финансовые спекуляции, продажа некачественных продуктов питания, поддельных лекарств, наркотиков и прочей отравы некоторым приносит громадный доход, но вряд ли способствует лучшей жизни населения.

Причём если экономика предназначена для того, чтобы **было больше богатых, а не меньше бедных**, тогда нынешняя система хозяйствования блестяще справляется с этой задачей. В самом деле, количество миллионеров во всех странах мира стремительно растёт вне зависимости от состояния их экономик. А что государства при этом загнивают и большая часть населения теряет всякие средства существования, то нынешнюю экономику в этом винить не следует: она для этого и не предназначена.

Тем не менее, данная философия хозяйствования, воплощённая во всех возможных её формах, явилась идеологической базой для всей нынешней экономической науки. Она привела к тому, что **все инструменты**, критерии и стимулы существующей организации предназначены для обслуживания экономики доходной, денежной, а не полезной. Это породило глобальное противоборство между общественным характером производства и частным присвоением его результатов, между трудом и капиталом, между собственниками и наёмными работниками.

Неудивительно поэтому, что в такой экономике доход от собственности и денег оказался большим, чем от эксплуатации рабочей силы. Это породило безработицу, поскольку при совершенствовании производства растёт не свободное время людей или их благополучие, как должно бы оно быть, а число лишних (!) работников, труд которых не приносит кому-то желаемой им прибыли. И поэтому очевидно, что **на таком теоретическом основании построить коммунистическое общество невозможно**. Для этого требуется существенная доработка имеющихся понятий.

Представляется, что данную проблему можно разрешить мерами, в основу которого будут заложены следующие принципы:

— Коммунистическое общество — это, в первую очередь, общество гармоничное, отражающее закономерный характер развития действительности, внутреннюю и внешнюю его согласованность, цельность и соразмерность содержания и формы. В нём рационально сочетаются интересы личные, коллективные и общественные. Скоординированы отношения между трудящимися и собственниками, богатыми и бедными, между всеми людьми: молодыми и ста-

рыми, белыми, чёрными и жёлтыми, здоровыми и больными. В ней экономика предназначена для людей, а не наоборот.

— Человек представляет собой не особое надприродное образование, живущее по собственным прихотям, как ему вздумается, а феномен, встроенный в Природу и исполняющий предназначенные ему Свыше функции. Во Вселенной всё взаимосвязано, а поэтому если он начинает жить по правилам, не соответствующим законам окружающего его Мира, тогда становится чуждым Ему и все силы Природы ополчаются против него. Поэтому из-за нарушения всеобщего Закона гармонии множатся болезни, преступления, растёт количество природных катаклизмов, землетрясений и цунами, техногенных сбоев и аварий.

— Власть, деньги и собственность, как юридические права владения, управления и пользования, следует лишить возможности приносить эксплуатационный доход. И тогда они утратят свои паразитические качества, общественная польза будет управлять ими, а не корысть и тщеславие. И уже не потребуются, преодолевая колоссальное сопротивление, приватизировать или экспроприировать собственность, ликвидировать деньги, власть, уничтожать тех, кто живёт несправедливым трудом.

— Коммунистическое общество представляет собой логичный итог человеческого развития. Оно неизбежно и не может быть результатом чьего-то озарения, оригинальной идеи или гения. В его основу должны быть заложены строгие, обусловленные природными закономерностями научные изыскания, а не идеология или импровизации.

И ещё, если коммунизм представляет собой естественную реальность, в мире и в истории человечества должны существовать его зародыши. Если их нет, тогда новому строю не из чего родиться. В самом деле, от незасеянного поля тщетно ждать урожая. А когда эти принципы начнут воплощаться в жизнь — **коммунизм станет реальностью.**

1.1.2. Россия и Европа — столкновение цивилизаций

*Для вас — века, для нас — единый час. Мы, как послушные холопы,
держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы!
Александр Блок*

— I —

Если при решении экономических вопросов не учитывать специфические особенности людей, наций и народностей, тогда их можно представлять обезличенными особями и управлять ими одними и теми же способами. Это и есть ныне действующая экономическая модель. Но если отойти от этого шаблона и ставится задача построить модель коммунистического общества с его принципами гармонии, правды и справедливости, без насилия и произвола, тогда уже потребуется учитывать специфические особенности людей, принимать во внимание их предпочтения и вкусы, культурные навыки и обычаи. Поэтому нет и не может быть единой, одинаково успешной для всех экономической модели, как нет лекарства от всех болезней. Что одним и тем же продуктом всех не насытишь, а в рамках обезличенной парадигмы развития повышать культурный, духовный и нравственный облик людей, соответствующий коммунистическим идеалам, невозможно. Поэтому здесь уже требуется учитывать все эти особенности.

Существенные отличия образа жизни народов и восприятие ими Мира не могут не оказывать решающего влияния на их общественную и коллективную жизнь. В самом деле, вся хозяйственная деятельность людей направлена на их жизнеобеспечение. Именно оно является и побудительным мотивом, и источником их развития, и основой благополучия. Ни одна нация и народность не могли бы существовать, если бы они не использовали весь свой жизненный потенциал: природный, интеллектуальный, культурный. Не стремились бы к такой хозяйствен-

ной организации, которая в наибольшей мере соответствует их менталитету, не сберегали бы её.

Китай, Индия и Япония потому и достигли своих впечатляющих успехов, что использовали собственную специфику. А где от неё отказались и слепо пользовались чужими рецептами (как это делали в нынешней России), ничего хорошего от этого не получалось. То есть *«В каждой стране должна быть своя экономическая политика, основанная с учётом особенностей страны; не может быть единой, универсальной политики для всех реформирующихся стран»* (Дж. Стиглиц ^[24]). В этой связи рассмотрим принципиальные отличия Западной и Российской цивилизаций как наиболее ярких антиподов, как разные векторы человеческого развития.

Западный мир образовался на существенно не различающихся между собой территориях, в целом плодородных и богатых, с хорошим климатом, с обилием морей и рек, способствующих перемещению людей и грузов, обмену информацией. Отсюда, благодаря постоянно протекающим миграциям населения и войнам, образы жизни европейских народов не могли сильно разниться между собой. Они перемешивались, формируя, таким образом, близкие друг другу предпочтения, вкусы и культуру, устанавливая единые правила поведения, соответствующие их духу материальные и духовные ценности.

Российская ментальность сложилась под влиянием других условий. Они характеризовались громадными просторами, равнинным характером местности, суровым климатом. И тяжёлая среда обитания привела к естественной селекции людских характеров. В результате на бескрайних просторах Восточной Европы образовался особый мир, трудом и потом, а иногда и кровью строивший своё благополучие. И умение бороться с трудностями, довольствоваться немногим при богатстве окружающего ландшафта породили щедрость и широту души русской.

Это раздвинуло взгляды проживающих в России людей на жизнь и на окружающую их действительность, явило иллюзорность материальности и беспредельность духовности. Позволило осознать единство Вселенной и установить истинное место в ней Бога и Человека. Пробудило уверенность в своих силах, породило инициативу и стремление к безграничной Воле. В результате появилась не боящаяся новизны личность, умеющая постоять и за себя, и за любезный её сердцу Мир. Сформировало неординарные личности: *«Русский народ есть особенный народ в свете, который отличается догадкою, умом, силою»* (царица Екатерина II).

При этом для защиты среды своего обитания русские не могли опираться на труднодоступные естественные преграды, моря и горы, а значит им предстояло либо погибнуть под натиском окружающих хищных орд с их миграциями, агрессивной культурой и бытовыми ценностями, либо научиться давать им отпор. Но очевидно, что только военными мерами тут было не обойтись. Поэтому русские изначально учились находить общий язык с соседями, замирать их и расширять, таким образом, сферы своего влияния. Не навязывать собственный порядок жизни, не посягать на их уклад, но сглаживать межплеменные разногласия. В самом деле, после победы над иноверцами русский человек никогда не стремился насильственно обратить их в свою веру. И так синтезировалась новая общность, появилось уникальное сообщество разных народов, всегда открытое к новым знаниям, к культурным веяниям и к хозяйственным приёмам, включающее в себя всё наиболее ценное из обычаев и трудовых навыков соседей. В основе которого заложены принципы равноправия и взаимодополнения, а не высокомерия и комплекса превосходства.

Поэтому на Руси не возникало национального чванства, приветствовались межэтнические браки, не было культурного унижения кого-либо. Всякий человек, к какой бы нации или народности он ни принадлежал, какому бы Богу ни молился, на каком бы языке ни говорил, мог жить в России и пользоваться заслуженным им уважением вне зависимости от его этнической или культурной принадлежности. В результате национальные различия не препятствовали занятию самых высоких должностей. Как пример, Семён Емин, избранный новгородским

тысяцким в 1218 году, происходил из финского племени еми. Татарская знать, перешедшая на службу к русским князьям, сохраняла свои титулы и получала те же привилегии, что и русская. Царь Иван Грозный не скрывал своего родства с чингизидами, а напротив, широко им пользовался в политических целях. Царь Борис Годунов вёл свой род от татарского мурзы Чета (в крещении Хазарии), поступившего на службу к московскому князю Ивану Калите. Грузинский князь П. И. Багратион дослужился до звания генерала от инфантерии, главнокомандующего 2-й Западной армии в Отечественной войне 1812 года и погиб на Бородинском поле, защищая Россию.

В этой связи *«русская общность позволила сохранить пронизывающую Новый Завет идею равенства народов и людей вообще, противостоящую идеологии господства и подчинения»* (В. И. Сигов, Г. А. Карпова, С. И. Пинцов). *«Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова»* (Ф. М. Достоевский ^[25]). Отсюда *«Россия не есть случайное нагромождение территорий и племён, и не искусственно сложенный механизм „областей“, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся **организм**, не подлежащий произвольному расчленению»* (философ И. Ильин ^[26]).

Из-за этого центростремительные тенденции до сих пор сильнее центробежных: *«Даже самый неблагоприятный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских греческой конфессии. Эти последние, даже если они вследствие международных договоров будут разъединены, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как находят путь к друг-другу разъединённые капельки ртути»* (Канцлер Германии Бисмарк фон Отто ^[27]). Таким образом, *«Дух России — вселенский дух. Национален в России именно её сверхнационализм „...“ в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира»* (Н. Бердяев ^[28]).

Данные особенности наложили отпечаток на все черты характера народа русского, которые отмечают многие авторитеты: *«Я предвижу громадную будущность России. Конечно, и ей придётся пройти через известные встряски и, может быть, тяжёлые потрясения, но всё это пройдёт, и после того Россия воспрянет и сделается оплотом всей Европы, самой могущественной, может быть, во всём мире державой»* (Теодор Рузвельт, американский Президент). Она — особое образование, неподвластное западным стандартам о «правильном» образе жизни. *«Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Богом, иначе невозможно понять, как вообще оно существует»* (Христофор Миних) ^[29].

— II —

Европа в своём развитии пошла по другому пути. Она сформирована рационализмом Рима, подкреплённым греческим романтизмом. В самом деле, *«... вынь Рим — и рухнет всё европейское здание»* (Вал. Иванов). Поэтому если рассматривать карту Римской ойкумены начала первого тысячелетия от РХ, легко видеть, что в неё входили именно те государства, которые ныне образуют Западную Европу. В этой связи высокая культура, язык, порядок и сам образ дисциплинированного римского мышления не могли не оказать громадного воздействия на все жившие здесь племена. Они не могли не унаследовать существовавшую в Империи культуру, организацию, её стройность, рациональность, внутреннюю однородность.

И одновременно с ними — эгоизм, цинизм, жестокость, высокомерие и прагматизм Рима того времени, которые, в конечном итоге, и привели его к гибели. Так, именно в его недрах расцвели языческие культы насилия, гедонизма, тяги к роскоши и вседозволенности. Возникли двойные стандарты, которыми столь грешит нынешний Запад. В нём добром считалось лишь то, что полезно Риму, а злом — что не отвечает его интересам. А понятиями правды, совести и справедливости пользовались только по мере надобности и в пропагандистских целях.

Данные обстоятельства не могли не сказаться на всём образе жизни западного человека, на его поведении и пристрастиях. Закат духовной культуры Европы начался в XII веке, когда *«появился зародыш нового — совершенно отличного — принципа, заключавшегося в том, что ... только то, что видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств — реально и имеет смысл»* (Питирим Сорокин ^[30]), а всё остальное — иллюзии. Быть сильным и причинять боль и горе другим — в этом стала признаваться высшая доблесть западного героя: *«Мир принадлежит тем, кто храбрее и сильнее... Мы не спрашиваем, когда хотим взять чью-либо жизнь и имущество... Мы не ворует, а отнимаем... Мы не верим ни во что, кроме силы нашего оружия и нашей храбрости»* (из Скандинавских саг). *«Весло ли галеры среди мрака и льдин, иль винт рассекает море. У Волн, у Времени голос один: горе слабейшему, горе!»* (Р. Киплинг). *«Большие батальоны всегда правы»* (Наполеон Бонапарт) и т. п.

Неудивительно поэтому, что западная цивилизация строилась по принципу пирамиды, во главе которой сидит небольшая кучка избранных и путём насилия, обмана или шантажа правит всеми остальными. Отсюда основная цель Запада — это подчинять себе другие государства, чтобы с помощью их ресурсов и населения обеспечивать своё процветание. Что и происходит до настоящего времени.

Следует ли говорить, что в России никогда не было ни подобных учений, былин, ни соответствующих поэм, народных эпосов, песен и сказок? Более того, в русском языческом пантеоне никогда не было Бога войны, в то время как среди европейских народов воинствующие божества неизменно почитались, весь их эпос построен вокруг войн и завоеваний. В древнерусской литературе, в русском фольклоре тема войн ради обогащения, романтизация разбоев и ограбления других народов отсутствует вообще. А сами войны в народных сказаниях представляются не как процессы физического уничтожения или покорения противников, а как тяжёлая работа, духовная и моральная борьба против зла, несправедливости и святотатства.

Всё это привело к беспредельной прагматичности Европы, которая заложила основу её материального благополучия. К тому, что *«Западная цивилизация предпочитает не „быть“, а „иметь“»* (А. Маккирджани). Зародило практику беспринципности, цинизма, фальши: *«У Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы»* (У. Черчилль). Отсюда западная деловая этика не знает такого понятия, как благодарность: *«В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива»* (П. Н. Врангель, последний Главнокомандующий Белыми силами на юге России ^[31]).

В этой связи, в отличие от русского преклонения перед справедливостью, Запад провозглашает: *«Vae victis!»* (*«Горе побеждённым!»*). Языческий культ мощи и финансового успеха стал главенствовать в нём, право силы начало превалировать над силой права. Из-за этого аборигены, жившие на территории нынешних Соединённых Штатов, были поголовно истреблены или загнаны в резервации. «Цивилизованные» власти США платили премии за каждый скальп, снятый с головы индейца, будь то воин, женщина или ребёнок. При этом были уничтожены целые популяции уникальных животных, таких как бизоны, ягуары, белые лоси, птицы додо и др., т.е. всё, что не смогло защититься.

Европейцы в полной мере осуществили «цивилизационную миссию» Запада, под знаком креста и меча уничтожив древнейшие культуры Юкатана, Мексики и Перу, инков и ацтеков. Они поработили миллионы жителей трёх континентов, превратили в рабов население огромной Африки, заставив их обслуживать себя. Бенин — одно из могущественных и культурных негритянских государств, некогда существовавших на территории нынешней Нигерии, успешно сопротивлялось поработителям вплоть до XIX века, пока не было предано английскими колонизаторами огню и мечу.

Заметим, что в Сибири, примерно в это же время осваиваемой русскими, не погибла ни одна самая малая народность, не исчезла ни одна крупная популяция животных. В ней суще-

ствовал всемерно поддерживаемый населением запрет на убийство молодых зверей и их матерей, не разрешался отстрел животных и лов морского зверя свыше жизненно необходимого. При этом браконьеры и не соблюдающие указанные правила убивались на месте. Когда рыба по сибирским рекам шла на нерест, в деревнях, расположенных на их берегах, запрещался колокольный звон, всевозможный шум и даже громкие разговоры, чтобы не тревожить рыб и они могли оставить здоровое потомство.

Ни резерваций, ни депортаций, ни рабства аборигенов, ни поголовного их истребления не было в России никогда. Таким образом в условиях непрерывных нашествий со всех сторон, в невероятно суровых климатических условиях русский народ колонизировал огромные пространства, не уничтожив, не поработив, не ограбив и не перекрестив насильно ни один народ. В этом — коренное отличие российской и западной цивилизаций, разное видение ими Мира, запретного и дозволенного.

— III —

В суровой среде обитания, характерной для Восточной Европы, трудно было выжить одному, требовалась поддержка, нужна была взаимопомощь. Поэтому люди стремились жить общинами, родами, племенами, объединять усилия для решения совместных проблем. В результате неформальные отношения между членами сообщества, основанные на понятиях правды и справедливости, обычаях и совести, честности и морали ценились выше, чем формальные. Это наложило отпечаток на семейные и хозяйственные отношения, сформировало особые традиции, повлияло на весь повседневный быт россиян.

На Западе не так, среда обитания и климат позволяли людям быть самодостаточными. Им требовалось только узаконить их отношения. Поэтому в нём процветает идеологическая конструкция правового государства, предполагающего безусловное господство права и верховенство закона: *«Пусть погибнет мир, но торжествует закон!»*, *«Закон суров, но это закон!»*. При этом логика законодателей определялась их моральным обликом, в связи с чем интересы преступников нередко превалировали над интересами их жертв.

Вместе с тем в России понятие «право» понимается значительно шире. В ней полагается, что по настоящему истинны лишь Божьи Законы (заповеди), в том числе *«что посеешь, то и пожнёшь»*. Русские понимают, что порядок необходим, однако *«плодотворно лишь то право, которое видит в себе ничто иное, как обязанность»* (М. Н. Катков, государственный деятель начала XX века). Они считают, что *«... обычай прочнее закона: закон выдумать можно, обычай от жизни идёт»* (Вал. Иванов).

Русские понимают ценность многогранности, ограниченность и невыразительность шаблонов. Знают, что стремление к единообразию практической жизни с неизбежностью нивелирует образ личности и характер мышления человека. А поэтому признают вторичность Права по отношению к Правде (*«Право есть могила Правды»*), видят неизбежность противопоставления «Закона» и «Благодати». Сознают, что материальность без духовности так же уродлива, как и духовность — без материальности. И при этом верят, что духовное выше материального, общее выше частного, а поэтому считают справедливость выше закона. То есть не придуманное людьми внешне равноправное законничество призвано лежать в основе человеческого бытия, а Божьи законы Совести и Правды. Они не признают статус Высших ценностей за законами, написанными простыми смертными. Знают, что всякий закон — это столб, который нельзя перелезть, но всегда можно обойти. По этой причине в России традиционная свирепость законов, принимаемых властями, неизменно компенсировалась их неисполнением.

Поэтому, в отличие от Европы, в России не получило всеобщего признания римское право собственности, опирающееся на скрупулёзно проработанную базу юридических уложений. В ней на протяжении веков хозяйство было основано не на частной собственности, а на своеобразном общинном пользовании землёй и имуществом, передаваемых Богом человеку

для его выживания одновременно с рождением. А также на власти государства, выступающего в роли защитника, главного собственника и арбитра.

Отсюда характерной чертой русского человека является стремление к соборности (т.е. к добровольному объединению людей для совместных действий независимо от их имущественной и сословной принадлежности), а не к индивидуализму. К солидарности, которая реализуется в коллективных формах труда, и во владении общей собственностью. Поэтому русскому человеку свойственно убеждение, что *«человек выше принципа собственности»*. А идею *«естественного права»*, которая составляет основу западноевропейской морали, замещают идеалы Божьей Правды и Справедливости. В связи с чем наряду с необходимостью соблюдения прав человека, как стремятся на Западе, они дополняют их требованием к человеку исполнять свои обязанности по отношению к окружающим и к обществу. Понимают, что прав без обязанностей не бывает, что только права — это такой же абсурд, что и обязанности, не обеспеченные требуемыми для их исполнения правами.

С другой стороны, громадные *«Территориальные размеры России требуют сильной власти»* (И. Ильин^[32]). Поэтому в России *«Символом земного порядка был царь, а не конституция»* (П. П. Марченко), истинным считалось не законопослушание, а властопослушание. Признавалось, что любая власть лучше безвластия. Поэтому власть ругали, с нею боролись, но всегда считались. Справедливости ждали от государства, от Божьих помазанников, а не от слабых, ограниченных земными страстями людей. В этой связи западный мир не способен понять, что несмотря на деспотизм власти русский человек всегда оставался свободным. Вне зависимости от внешних обстоятельств, он неизменно сохранял в себе главное: свою душу.

И так было всегда. Принципы равноправия и справедливости широко использовались во внутреннем устройстве славянских племен. Так, по сообщению Прокопия Кесарийского, греческого историка VI в., *«...эти племена, склавин и антов, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»*^[33]. То есть в России исполнялись древнейшие демократические традиции, но не как механизмы всеобщего участия в выборах, а как инструменты общественного согласия. Именно это в условиях постоянной агрессии соседей с Запада и с Востока, в сложных природных условиях позволяло России выжить.

Поэтому если для западного человека свобода представляется инструментом самоутверждения, то русскими она воспринимается как отсутствие каких-либо внешних ограничений, как «воля», т.е. раскрепощение души. На Руси понимают, что избыточная материальная обеспеченность так же уродует человека, как и недостаточная. Отсюда до недавнего времени мотивация русского человека ограничивалась словом «достаток». То есть таким доходом, который достаточен для достойной жизни, и в то же время не закабалает и не уродует его владельца.

Таким образом, у русских на генном уровне запрограммирована неприязнь к тому, что на Западе считается главным условием существования: бездуховность, меркантильность, звериный эгоизм и хищнические повадки человека. Поэтому идеология безграничной алчности и личного обогащения за чужой счёт не смогла и не сумеет пустить глубокие корни на русской почве. И понятно, что в таких условиях принцип западного стяжательства, не завязанного на благополучие окружающих, воспринимается населением как глубоко безнравственный. Может ли при таком менталитете народа капитализм, как система всемерной эксплуатации, быть в России столь же продуктивным и популярным, как на Западе!?

— IV —

Русские любознательны и с удовольствием учатся у других тому, что им кажется важным, интересным, заманчивым. Однако при этом они не просто перенимают чужое, но во всё стараются привнести что-то своё, собственное. Так, православная религия греческого толка, пришедшая на русские просторы в конце X века, преобразилась в русский толк, до сих пор сохраняющий элементы язычества. Демонстрируя, таким образом, преемственность религий,

почитание своей истории, предков и оберегая ярко выраженные национальные черты. Она сохранила присущую русскому духу тягу к взаимодополнению, к уважению других мнений и верований.

Отсюда одновременно с верой во Христа русские продолжали верить в Деда Мороза, Снегурочку, в домового, в ведьм и чертей, в духа домашнего очага чура, в кикимор, русалок, в лешего и водяного, почитали души предков навь, уважали покровительствующих влюблённым Леля и Ладу. Наряду с христианскими молитвами колядовали, обращались к Богу не только в храмах, но и у рек, в рощах и в дубравах. Языческий Перун-громовержец у них естественным путём преобразился в православного Илью-пророка, богиня материнства Роженица — в Богородицу. Вместо покровителя стад Волоса стали чтить святого Власия, ночь Карачуна, самую длинную в году, заменили примерно в то же время празднуемым Рождеством, ночь языческого Ивана Купала — в ночь Иоанна Крестителя. В христианском пантеоне языческую богиню Мокошь заменила святая великомученица Параскевия и так далее.

Христианское откровение о Пресвятой Троице — о Боге едином в сущности и троичном в лицах, легко принялось русскими, поскольку ему предшествовали языческие боги Сварог, подобный «Богу-отцу», Дажьбог — «Богу-сыну» и Семаргл, как «Бог святого духа». Но все они оказались обогащёнными христианским духом, стали и масштабнее, и возвышеннее. Дохристианские былинные богатыри Святогор, Микита Селянинович, Вольга и другие до сих пор пользуются неизменным уважением. Древнейшие языческие исполины, выступавшие всегда вместе: Дубыня, Горыня и Усыня — три богатыря-великана русских народных сказок олицетворяли собой разрушительные силы стихий: земли, огня и воды. Но после крещения Руси их заменили три православных богатыря: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, которые утратили свою агрессивность и превратились в защитников земли Русской. А иначе и быть не могло, поскольку вера — это не одежда, чтобы её можно было в одночасье поменять всю, целиком. Поистине, *«Русская история поражает необыкновенной сознательностью и логическим ходом явлений»* (К. А. Аксаков).

Поэтому принципы добра, справедливости и равноправия в полной мере соответствуют фундаментальные положения Православной религии. В ней исключены такие уродливые преувеличения, как патриотический фетишизм или пренебрежение к другим народностям и культурам. Понимается, что нельзя отделять Бога от воплощения его Правды, как невозможно воспринимать Солнце без его животворящих лучей: *«Стои за Правду горой и Бог будет с тобой!»* (русская пословица). Воспитывается убеждение, что только тот национализм достоин поклонения, который не направлен против других наций, не идёт вразрез с основными канонами христианского правосознания. Что религии призваны служить связующим звеном между различными цивилизациями, способствовать взаимному духовному обогащению и воссозданию Божьего мира, т.е. зарождению общечеловеческого братства между народами, а не служить источником их раздора и стяжательства. И, несмотря на многочисленные коллизии русской истории, эти положения неуклонно соблюдаются.

В отличие от этого Христианский Запад представляет человека свободным, и в то же время полностью зависящим от милости Божьей. Или, по крайней мере, от церкви, как единственного и санкционированного Богом земного института спасения. Поэтому европеец стремится умиливать эту «власть» страхом, покаянием, обетами, молитвами, покорностью, самоуничтожением, добрыми делами и славословиями. А порою покупными индульгенциями или примитивным неверием. Он мучает своё воображение верой в абсолютных богов, надёленных человеческими страстями и слабостями, которые в действительности являются лишь покрывалом из иллюзий, сотканных его несовершенным умом. Поэтому соответствующее этим взглядам философское восприятие мира с неизбежностью дисгармонизирует весь характер и образ жизни западного человека.

С другой стороны, творить способны не только гармония, но и дисгармония. Поэтому отмеченные выше негативные качества европейской цивилизации породили множество качеств, явившихся источником развития всего человечества, сделали Европу одним из самых динамичных регионов планеты. В самом деле, безмерный прагматизм западного человека привёл к упорядочению всех аспектов его существования, к несомненным культурным и бытовым достижениям, заложенным в основу всех современных развитых стран. В соответствии с ними Запад разбивает мёртвое единство и даёт свободу частным формам жизни, но сам при этом переходит границы гармонии и способствует всеобщей эгоизации.

В рамках этого западная ментальность считает мысль, интеллект и логику высшими средствами постижения истины. Результатом этого явилось воспитание строгого западного ума, не допускающего отклонений и бездоказательных допущений, и одновременно ограничило сферу его рационального использования. Отсюда на Западе главенствует культ «объективности», ради которого отбрасывается красота и целостность жизни. Из-за этого западное мышление располагает обширной информацией о Природе, но удивительно мало знает о своей собственной сущности. Европейец всегда стремится что-то делать с вещами вместо того, чтобы разбираться в них. Для него действительность — это то, что действует, что связано с миром явлений, а не чувствования.

Своеобразие сформированного таким образом восприятия действительности явилась источником вдохновения многих выдающихся западных философов, ученых, писателей, художников, архитекторов, композиторов. Так, наука, с её систематикой, логикой и последовательностью является, безусловно, западным изобретением. Она принадлежит к его способности рационально мыслить и управлять действительностью. Вместе с тем примерно 80% научных знаний, считающихся очевидными, через каждые 100 лет признаются ошибочными. Отсюда несмотря на то, что созданная современной научной мыслью физическая картина Мира логически строга и обоснована, в ней нет места для жизни. А поэтому данная теория никак не изменится, если человек во Вселенной исчезнет вообще ^[34].

— V —

С другой стороны, уже древние мудрецы понимали, что человечество представляет собою нечто цельное, в котором все народы путём разнообразия своих культур исполняют предназначенные им Свыше функции, содействуя осуществлению единого, общего для всех плана развития человеческого сознания. Знали, что в мире не существует «отдельности», что всякая вещь представляет собой часть чего-то целого. Как клетка пальца является фрагментом руки человека и всей человеческой расы, Земли и Вселенной. А поэтому она не может быть самодостаточной, не встроеной в общие контуры системной организации, существовать в отрыве от них.

Отсюда если какой-то орган нарушает закон всеобщей гармонии, он должен быть отсечён, иначе погибнет весь организм. А поэтому русские воспринимают себя не обособленными индивидуалистами, а частью Вселенной, общины, государства, народа, Человечества. Понимают, что «Человек вне общества — или Бог, или зверь». Поэтому русская философская и экономическая мысль рассматривает человека не как самостоятельную субстанцию, а как органичную часть Вселенной, ответственную как за себя, так и за становление мировой гармонии Бога, Природы и Человека.

Поэтому лучшие русские философы (А. Хомяков, И. Киреевский, В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков, братья князя Трубецкие и др.) были доверчивыми идеалистами и считали Россию ответственной за судьбу всего человечества: «Сознание всепроникающей связанности и единства вселенной, достигаемое через „живое и цельное зрение ума“ — принцип равновесия в русской философии» (И. В. Киреевский ^[35]). Именно чувство сопричастности со всей Вселенной позволяло великим русским мыслителям вносить весомый вклад в мировую куль-

туру, достигать высочайшего уровня наблюдательности, входить в иные сферы чувствования и мышления, открывать их людям с неожиданных позиций, изнутри.

Так, в XIX веке русский ученый-философ Николай Фёдоров ввёл понятие о русском космизме как идеи объединения всех людей, основанных не столько на национальных, территориальных, политических или идеологических признаках, сколько на моральных и нравственных. А. С. Пушкин раздвинул границы созвучности и придал поразительную музыкальность и историчность русскому языку. М. Мусоргский перестроил оперу в соответствии с мелодией человеческой речи, Л. Н. Толстой изучал объективные законы человеческого поведения, Ф. М. Достоевский — связь психологии человека с общественными явлениями. Н. Н. Миклухо-Маклай выдвинул теорию общности человеческих рас, Л. Н. Гумилёв связал этногенез с биосферой Земли и т. д.

К. Э. Циолковский смело заглянул за пределы ограниченного мира Земли, А. А. Богданов сформулировал общие законы взаимодействия Человека и Природы. П. А. Флоренский утверждал, что восприятие космической симфонии заключается в признании целостности Мира, в одушевлённости и взаимной сопряжённости его частей. А. В. Хомяков ввёл принцип соборности как основу устройства бытия, описывающего множество, собранное силой любви в свободное и органичное целое, и проч., и проч.

В этой связи если западный человек отстаивает свою свободу, индивидуальность, обособленность, то русский — принадлежность к чему-то большему. Европейцы тяготеют к праву, к личной собственности, к суду человеческому, а россияне — к справедливости, к общественному благу и к суду Божьему. Из-за этого русской повседневностью стала не победа одного мнения, толка или термина над другими, а их многообразие, уживчивость, взаимное дополнение и обогащение. Из-за этого основные проблемы Запад стремится разрешать силой, а Россия — согласием. Если на Западе критерием уважения служит богатство, то в России — общественное признание. В ней считается, что *«Трудом праведным не построишь палат каменных»*, и в большинстве своём так оно и есть. Отсюда если европеец стремится решать собственные проблемы, то русский — общемировые. Они тяготеют к конкретности, а русские — к абстракции.

Такая позиция *«теоретическими корнями уходит не только к работам Маркса, но имеет более глубокую основу — двухвековые традиции русской социально-экономической мысли, которая в свою очередь связана с особым психологическим типом личности, присущим русскому народу. Это ярко выраженное стремление устроить жизнь на началах правды и справедливости. Неслучайно в русской экономической литературе так много внимания уделяется проблемам будущего устройства общества, где несущими конструкциями являются идея общинности и государственности, и так мало теорий, имеющих дело с определением принципов и механизмов функционирования общества данного»* (Й. Шумпетер^[36]).

Поэтому в отличие от западного человека, которым движут преимущественно повседневные, прагматичные заботы, русского больше привлекают даль, перспектива, всеобщность: *«Всё здешнее, местное, косное существует только предварительно, только так, до времени и между прочим, в душе же живёт и ширится одна мечта — о Будущем»* (С. Булгаков). Всеми признаваемая храбрость русских проистекает из того, что они считают, что в мире есть более важные вещи, чем их собственная жизнь. Что гармония взаимодополняющих ценностей основывается на любви, как проявлении принадлежности ко всему окружающему Миру, а не как к иерархии и господству.

В связи с этим иррациональность и романтизм русских трудно, а иногда невозможно понять. Зачастую они не умеют ясно выразить свои чувства, мысли. Не пытаются состязаться в уловках с людьми, убеждёнными в своём праве попираť остальных. Не станут презирать другие народы, возомнив себя превыше всех. Не умеют восхищаться собою и не считают, что достигли своего совершенства. Сколько ни познали бы они — всё им мало. Вечно голодные душой, они живут стремлением к высшему, к недостижимому, а поэтому собою не удовлетво-

рены. И чем большего достигают они, тем сильнее это неудовлетворение. Взявшись не за своё дело мелкой, личной наживы, русский всегда бывает и обманут, и предан. На самого себя он работает плохо. Поэтому в большинстве своём столь уродливо выглядят «новые русские» с их стяжательством, чванством, цинизмом и разухабистостью.

Огромные расстояния, которые приходится преодолевать русским, приучили их к величю помыслов: «*Русская душа ушиблена ширью*» (Н. Бердяев^[37]). Поэтому высокое ищут они вне себя, находя радость только в совместном благополучии с окружающими. Данное обстоятельство наглядно проявилось в пословице «*Чужой беды не бывает!*». В отличие от неё на Западе бытует формула: «*It's your problems!*» («*Это твои проблемы!*» — даже перевод этой фразы звучит не по-русски). Неслучайно в древних рукописях, хранящих высказывания российских мыслителей по экономическим вопросам, о русской правде и домоводстве, первоосновой признавались духовные ценности, а не материальные.

И с «рабством» в России, как его трактуют на Западе, не всё чисто. Так, А. С. Пушкин в 1834 г., в разгар «крепостничества и народного бесправия» написал своеобразный гимн человеческому достоинству русских: «*Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступки и речи? О его смелости и смывлённости и говорить нечего. Предприимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...*» («Путешествие из Москвы в Петербург»^[38]). Кстати, «свободная» Европа не мылась в это время вообще! А как известно, телесная и духовная чистоплотность едины.

Более того, никогда позже русский крестьянин не жил в большем достатке, чем при пресловутой свободе и разгуле частного бизнеса. И помещики чувствовали себя в это время спокойно, комфортно, уверенно. Эта идиллия, в конечном итоге, способствовала отставанию России от беспокойной Европы, неудовлетворённость которой способствовала бурному её развитию. И как всегда в своей истории, ослабление России немедленно привело к солидарной агрессии Запада, вылилось в Крымскую войну, показавшую, что так хорошо и самодостаточно жить нельзя. Которая привела к реформе 1861 года, «ударил, одним концом по барину, другим — по мужику» (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»). Разорила многие поместья и заставила крестьян всерьёз бороться за выживание.

В конечном итоге, всё это сформировало уникальный облик русского феномена. Неслучайно поэтому люди называют свои страны по-разному: Прекрасная Франция, Свободная Америка, Могучая Германия, Поднебесная империя Китай, Страна Восходящего Солнца Япония. А у нас — Святая Русь. И вовсе не потому, что в ней живут сплошные праведники, а оттого, что не внешние приличия, а стремление к сердечной чистоте и к внутреннему совершенству считается в ней главным содержанием жизни. То есть Русь видится не как отдельное государство, географически, этнически, территориально, а как духовный мир возвышенности. Отсюда, как выразился Жозе Мануэл Баррозу, председатель Еврокомиссии: «*Россия — это континент, который притворяется страной. Россия — это цивилизация, которая притворяется нацией*».

Поистине, «*Умом Россию не понять. Арином общим не измерить...*» (Ф. Тютчев). В этом и заключается основа многоликости русской культуры, нестандартности её форм, сочетания цветов. Вспомним Храм Василия Блаженного с его буйством красок, асимметрией образов, неповторимостью куполов. Это и есть символ самой России, могучей и нестандартной, ни на кого не похожей. Это и восхищает, и раздражает в нас превыше всего.

Об этом русский историк и философ Иван Ильин писал: *«Европа не знает нас... потому что ей чуждо славянорусское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением и лишь потом умом и волею»* [26].

В самом деле, в отличие от других русского в меньшей степени привлекают действия, но всегда волнуют лежащие в их основе причины, цели. Насколько они соответствуют его пониманию совести, справедливости и правды жизни. При этом русские не любят проявлять себя в обыденном, зато живут полнокровной жизнью, когда требуется совершить невозможное: *«Россию малыми делами не спасёшь!»* (Н. Бердяев [37]). Поэтому они не любят размениваться по мелочам, им подавай нечто могучее, с чем никто другой не справится. И тогда они покажут себя! Но как только русский сбрасывает с себя чужое обличье, приобретает уверенность в своей правоте, откуда только берутся у него и умение, и мудрость, и сила, и красота. Тут уж сторонись все, не становись у него на пути. Сомнёт, и не заметит...

Так, вспомним осень 1941 года, когда во имя защиты своей свободы и достоинства наш народ (*«страна рабов...»*) совершил немыслимое: в условиях тяжелейшей войны, в жесточайшие морозы всего за 2 месяца переместил 2/3 всех предприятий из оккупированных территорий страны в необжитые районы Сибири и наладил на них военное производство. Кто другой справился бы с этим? Несмотря на умопомрачительные потери, разгромил опытного врага, на которого работала вся Европа. И вопреки всяким ожиданиям, как в сказке П. П. Ершова «Конёк-Горбунок» про Ивана-царевича, нырявшего в чан с кипятком, страна после этого стала более могучей, чем была прежде.

— VI —

На Западе понимают **диалектику противоположностей**, но не способны синтезировать их **гармоничное сочетание, единство**. Поэтому *«Кто думает, учит, желает иначе, чем человек Запада, он грешник, враг, отщепенец. С ним борются без пощады»* (О. Шпенглер [39]). Отсюда западные люди с неизбежностью впадают в крайности: признают борьбу и конкуренцию, но им чужда кооперация людей, вещей и понятий. В этой связи любая религиозная или философская догма вносит в это царство неопределённости какой-то внятный порядок, становится источником новых знаний и одновременно — психологического раздвоения. Рождает множество доктрин, ни одна из которых не является законченной и не была в полной мере воплощена в жизнь. И это неудивительно, поскольку они направлены на решение каких-то локальных проблем, а не на раскрытие их природы, источников, генезиса. Инструментом их служит анализ обстоятельств, а не их синтез.

При этом обилие порождаемых Западом теорий не только не обогащает человека, но лишает его ощущения единства Вселенной, отнимает уверенность в себе, подавляет способность этот Мир познать. И в конечном итоге заставляет следовать стихии, а не разумно ею управлять. Рождает рынок, конкуренцию, а не кооперацию, гармонию, единство. Защищает от неурожая и наводнений значительно лучше, чем от духовной ущербности и психических эпидемий. Лишает веками апробированных непоколебимых устоев: *«Мировые войны показали, на что европеец способен, когда его интеллект, сделавшийся чуждым Природе, утрачивает всякую узду»* (Карл Юнг [34]).

Поэтому европеец управляет не столько реальными факторами, как их фетишами: властью, деньгами, страстью. *«Где воля — там и путь»*, утверждает западная ментальность, и европеец всегда ей следует. Это формирует законченный портрет европейца — прилежного, боязливого, смиренного, циничного, предприимчивого и алчно хватающегося за гарантированные блага окружающего его мира: собственность, здоровье, удовольствия, знания, ресурсы, материальные ценности. Он убеждён, что все богатства к человеку приходят извне, а поэтому агрессивен, старается перекачать их в свою пустую душу. Всячески стремится отнять земные

блага у других и любой ценой обеспечить себя. *«Вот почему болен человек Запада, и он не успокоится, пока не заразит своей алчной неутомимостью весь мир»* (К. Г. Юнг ^[34]).

Природная агрессивность Запада не ограничивается моральными или этическими рамками, в ней всегда *«цель оправдывает средства»*. Но особенно усердствуют в этом англосаксы. Защищённые морями-океанами, они смогли в течении нескольких столетий безнаказанно вершить свои корыстные дела, порождая мифы о своей исключительности и непогрешимости, приучаясь к самоуверенности, лицемерию и вседозволенности. И это оставило в их менталитете неизгладимый след. Поистине, *«И сколько раз ты убиваешь — убитым столько же бываешь!»*.

В самом деле, как пишет английский историк Стюарт Лейкок, *«Во все страны “...” мы когда-либо вторгались, и (есть) лишь несколько, до которых мы не добрались»* ^[40]. Так, агрессии англосаксов подверглись территории 171 из 193 государств, состоящих сегодня в ООН. И это не считая всякого рода гибридных и информационных войн, ведущихся повсеместно. В 2004 году Исследовательская служба Конгресса попыталась установить общее количество военных конфликтов, в которых тем или иным образом когда-либо участвовали США. При этом получилась астрономическая цифра в 261 акта агрессии или «защиты демократии» по всему миру. И в последующие годы это продолжилось с не меньшим рвением. В целом за 242 года своего существования Соединенные Штаты находились в мире только 16 лет. А если учитывать все войны, военные нападения, оккупацию чужих территорий и проч., то в истории США было всего пять лет мира: 1976-й и 1977 — 1980 гг.

Причём данные нападения совершались против заведомо слабых противников, а поэтому очевидно, кто был их зачинателем. Тем не менее, именно жертвы и обвиняются западными странами во всех смертных грехах! Поистине, громче всех *«Держи вора!»* кричит сам вор.

С другой стороны, вмешательства со стороны англосаксов в дела других государств были не только военными. Как признался Д. Эйзенхауэр, американский Президент: *«Нормы человеческого поведения, считавшиеся до сих пор приемлемыми, (для нас) неприменимы. “...” Мы должны “...” научиться совершать акты свержения, саботажа и уничтожения наших врагов путём использования более умных, более тонких и более эффективных методов, чем те, которые используются против нас»* ^[41]. Иначе говоря, что благородные народы считают для себя делать ниже своего достоинства и поэтому не выработали к нему иммунитета, англосаксы превратили в действенное оружие.

Указанная психология сформировала особое государственное мышление Запада, активно претворяемое в жизнь, получила преобладание, сделалась фактически официальной. Породило государственную политику, получившую название «управляемый хаос», основанную на обмане, цинизме, подстрекательстве и алчности, столкновении лбами своих противников. И всё это под флагом борьбы за «демократию», «за права человека» и прочие фетиши. Это — не эпизоды, а история, характеризующая настрой, менталитет целой цивилизации.

Разумеется, на Западе живёт немало романтиков, у которых чужие беды вызывают искреннее сострадание. Но проявляемое ими сочувствие не следует отождествлять с государственной политикой.

В результате оболваниваются целые страны, организуется противостояние одних групп населения другим. Пылают конфликты, смещаются неугодные Штатам правительства, нарастают экономические и политические кризисы и неурядицы. Так, *«Начиная с 1945 г., США попытались свергнуть более пятидесяти правительств, большинство из которых были демократически избранными, и грубо вмешивались в демократические выборы, по крайней мере, в тридцати странах. Вопрос: что же американские лидеры имеют ввиду под „демократией“?»* (Уильям Блум, писатель, историк, диссидент ^[42]).

Более того, с XIX по XXI века **не было ни одной войны, революции или конфликта, в развязывании которых тем или иным образом не приложили бы руку англосаксы (!)**. Кровь льётся рекой, и всё для того лишь, чтобы они чувствовали себя гегемонами, получали больший доход, вкусно ели, сладко спали. Поистине, *«Когда я вспоминаю, что Бог справедлив, я содрогаюсь от страха за мою родину»* (Т. Джефферсон, третий Президент США ^[43]). А это было произнесено ещё тогда, когда Штаты только начали идти по избранному ими пути!

— VII —

Вместе с тем если борьба Запада против других государств носит преимущественно меркантильный характер, то против России — цивилизационный, мировоззренческий. Эта борьба не имеет ни рамок, ни границ, ни временных промежутков, ни моральных ограничений. Поэтому европейская ненависть к России — явление давнее. Она имеет более глубокие корни, нежели государственная конкуренция или идеологические разногласия. О ней писали ещё М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев. *«Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как о народе русском»* (царица Екатерина Великая, 1729 — 1796 гг.). *«Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных её интересах»* (Н. Я. Данилевский, 1854 ^[43]). *«И не будет такой клеветы, какую не пустила бы в ход против нас Европа»* (Ф. М. Достоевский, 1876 г. ^[25]) и т.д., и т. п.

Запад неизменно проявлял по отношению к России свою враждебность. Так, во время Батыева лихолетья 1237 — 1240 годов русские княжества буквально грудью закрывали Европу от самого могучего и безжалостного в то время монгольского воинства, в результате чего погибло 9/10 их населения. В самом деле, когда Даниил Галицкий возвращался из Польши после отхода татар, они с братом *«не возмогоста идти в поле смрада ради и множества избитых, не бе бо на Володимире живых: церкви Святой Богородицы исполнены трупья, инья церкви наполнены трупья и телес мёртвых»*. Католический монах Плано Карпини, проезжавший по Южной Руси в 1246 году, насчитал в некогда цветущем Киеве меньше 200 домов, а *«бесчисленные головы и кости мёртвых людей»* так и лежали без погребения уже свыше 6 лет после татарского погрома: их было некому хоронить.

Однако именно в это время Запад, воспользовавшись «благоприятной» для себя ситуацией, решил прибрать к рукам остатки ещё непокорённой Руси. Первым, вдохновлённым буллой папы Григория IX, обещавшей прощение грехов всем участникам организованного им Крестового похода, а павшим — вечное блаженство, был шведский *«Король римской веры из Полуночной страны»*. Он послал в 1240 году (!), т.е. в разгар борьбы русских княжеств с ханом Батыем, под командованием своего зятя ярла Биргера великое войско в устье принадлежащей Новгороду Невы: *«Если можешь, — сопротивляйся, — я уже здесь и пленяю твою землю»* — писал он в ультиматуме новгородскому князю Александру, которому в то время было всего 20 лет.

«Не в силе Бог, а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовём!» — объявил князь Александр и с малым войском наголову разбил шведов. За эту победу народ назвал его Невским, а впоследствии за истинное служение Руси он был признан Святым. При этом Александр считал менее опасными для русских людей диких татар, чем «цивилизованный» Запад. И это вполне объяснимо, поскольку если первые стремились к покорению только тела, то вторые пытались закабалить ещё и душу. *«Не бойтесь убивающих тела, бойтесь того, кто может и тело, и душу погубить в геенне»* — провозглашал он.

И так продолжалось все последующие века. Как только Россия по тем или иным причинам ослабевала, Европа неизменно пользовалась этим и демонстрировала своё истинное к ней

отношение. Так, в 1598 году прервалась династия Рюриковичей, в стране наступило Смутное время, межвластие и разброд. Воспользовавшись ими, поляки, литовцы и шведы захватили огромную часть русской территории и в полной мере показали, на что они способны. Массово грабили и убивали людей, оскверняли православные храмы, натравляли одних на других. В результате погибло до трети населения Руси и она исчезла бы вообще, если бы не объединилась и не прогнала захватчиков. Кстати, когда русские войска бывали в Европе, ничего подобного ни с населением, ни с их культовыми сооружениями они не совершали, конюшни из католических храмов не устраивали.

В целом многовековую политику Запада по отношению к России можно характеризовать так: *«Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы „цивилизовать“ её по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы её можно было расчленить, завоевательная, чтобы организовать коалицию против неё; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в неё с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на её „неиспользованные“ пространства, на её сырьё или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»* (И. А. Ильин ^[26]). И хотя написано это почти сто лет назад, звучит современно. Никакую возможность навредить России Европа не упускала!

Более того, за всю историю Европа, попадая в беду, неизменно получала помощь от России, но Россия от Европы в трудное для себя время поддержки **не получала никогда!** Европа неизменно консолидировалась с врагами России, будь то её оборона от хищных восточных орд, в Смутное время, в противостоянии с Турцией за жизненно необходимый ей выход к Чёрному морю, во всех последующих войнах или в современной борьбе с международным терроризмом. *«Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805 — 1815 годах, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914 — 1917 гг.) — не весит перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских Государей не рассеяли этого европейского злопахательства»* (И. А. Ильин ^[26]). А если сюда добавить жертвенный подвиг народов СССР во время 2-й мировой войны, фактически спасший многие народы Европы от тотального уничтожения, тогда такое утверждение оказывается бесспорным.

В самом деле, Генеральный план Ост (нем. Generalplan Ost) — обширная программа закрепления господства Третьего рейха в Восточной Европе, предусматривал физическое уничтожение или принудительное выселение с территории Польши и оккупированных областей СССР в Западную Сибирь, на Северный Кавказ и в Южную Америку до 75—85 процентов всего их населения: русских, поляков, украинцев, белорусов, татар, прибалтийцев. То есть речь шла об уничтожении целых наций. И если бы Красная Армия остановилась на своих границах и не стала бы «оккупировать» Восточную Европу, тогда, вполне вероятно, её или что от неё осталось американцы, англичане и их союзники освобождали бы до сих пор.

В самом деле, *«Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стёрта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы это сделать»* (Уинстон Черчилль. «Für Hund und Polen verboten!»). А сейчас поляки «отблагодарили» своих избавителей, поливая их грязью, разрушая воинские могилы, глумясь над их памятью. Поистине, природа западного человека предельно цинична и с годами не меняется...

И в реализации этой чудовищной программы гитлеровцам активно помогала вся «цивилизованная» Европа. В самом деле, кроме официальных союзников фашистской Германии (Финляндии, Румынии, Словакии, Хорватии, Венгрии и Италии) против СССР воевало 18 тыс. **добровольцев** (!) из оккупированной немцами Голландии, 12 тыс. датчан и норвежцев, 6 тыс. французов, 4 тыс. валлонов, 4 тыс. испанцев (данные генерал-майора Вермахта фон Бутлара).

Кроме того, в дивизиях СС против СССР сражалось порядка 12 тысяч шведских волонтеров. Были добровольцы и из других стран.

Неудивительно поэтому, что в плен к Красной Армии кроме военнослужащих официальных союзников Германии (всего свыше 4 мил. человек) попало 70 тыс. чехов и словаков, 60 тыс. поляков, 22 тыс. французов, 22 тыс. хорватов, 10 тыс. евреев, 5 тыс. голландцев. А ещё китайцы (13 тыс.), бельгийцы 2 тыс., люксембуржцы, датчане, испанцы, норвежцы, шведы (всего около 3 тыс. чел.)^[222]. И несмотря на все беды, которые они причинили народам СССР, в плену умерло только 13% от общего их числа. Для сравнения, из русских пленных погибло больше половины. При этом Германия бесперебойно снабжалась сырьём и вооружением Францией, Словакией, Польшей, Голландией, Чехией, Данией и даже «нейтральными» Швецией и Швейцарией.

Так, за время войны Швеция поставила Германии примерно 58 млн тонн железной руды, из которой, по подсчётам историков, было изготовлено около 40% нацистского вооружения. Кроме того, в 1939—1945 годах шведский экспорт в Германию составил 7 млн тонн целлюлозы, 13 млн кубометров пиломатериалов, 60 тысяч тонн подшипников и 70 тысяч тонн машин и оборудования («Норшенсфламман»). Через шведские «нейтральные» порты, по данным советской разведки, только в январе-октябре 1942 года шведскими кораблями из Латинской Америки для Германии было ввезено 6 млн тонн грузов. И такое «сотрудничество» продолжалось почти до самого окончания войны.

Разумеется, в непростой истории своего существования Россия не была аморфной, безобидной и всегда справедливой силой. Были и у неё моменты, когда она выступала агрессором. Вместе с тем найдите хоть одну страну, которая избежала бы этого и была всегда правой! Однако справедливости ради следует сказать, что на каждую наступательную кампанию русской армии приходилось восемь оборонительных. Русские отражали кровавые нашествия хазар, печенегов, половцев, монголов, татар, шведов, поляков, литовцев, турок, французов, англичан, немцев... Порой с ужасающими жертвами, преимущественно мирного населения и на своей территории^[45].

— VIII —

Но главное даже не в этом, от внешних агрессий можно обороняться. Но по отношению к России Запад проявлял свою агрессивность не только путём военных вторжений, но прежде всего с помощью интервенций информационных, финансовых, идеологических. Так, февральский и октябрьский перевороты 1917-го года с их либералами, большевиками и всеми последующими эксцессами зародились не на русской почве и всячески приветствовались «прогрессивными» кругами Запада. Более того, склонные верить в мнимые добродетели Запада, «*Все (революционные) движения в России зарождались под влиянием Западной Европы и носили отпечаток течений мысли, преобладавших в Европе*» (князь П. А. Кропоткин^[46]). Поэтому противоборство традиционализма и западничества длится уже не одно столетие.

Это усугублялось ещё и тем, что для русского сознания социализм, народничество, анархизм, нигилизм и даже атеизм имели религиозную основу и переживались с религиозным пафосом. Данное состояние отлично понимал Ф. М. Достоевский, когда говорил, что русский социализм есть вопрос о Боге и бессмертии. Из-за чего эти фетиши, в отличие от самого Запада, пытались претворить в жизнь самозабвенно и с полной искренностью.

В этой связи идеи перестройки 1989 года, реализованная в России разрушительная реформа, расстрел Белого Дома в 1993 году со всеми их трагическими последствиями были задуманы не в России и всячески поддерживались Западом. Пресловутые капитализм, марксизм и либерализм являются продуктами западной «передовой» мысли, а не российской. Настоящий геноцид русских, в том числе по отношению к их истории, к культуре и языку,

организованный после развала СССР в Прибалтике, на Украине, во многих странах СНГ неизменно и самым циничным образом приветствуется поборниками «прав человека» на Западе. И в нынешней русофобии, развернутой западными СМИ в неимоверном масштабе, Россия также ни причём.

Поистине, *«Западом и наказывал, и накажет нас Господь, а нам в толк не берётся. Завязли в грязи западной по уши, и всё хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем»* (святитель Феофан, затворник Вышенский, 1894 г.). Поэтому неудивительно, что возрождение России начиналось только тогда, когда она отвергала «западные ценности» и начинала питаться от собственных корней. Что и наблюдаем мы в настоящее время. Поистине, *«Будьте сынами Богов своих, и сила пребудет с вами»* (Велесова книга, VIII в. н.э. ^[47]).

В самом деле, свидетельством принципиальной несовместимости русского и западного мира является тот факт, что как только Россия сближалась с Западом, в ней неизменно наступал упадок, нарастали беды и катаклизмы. Подтверждая тезис, что хуже войны с англосаксами может быть только дружба с ними. Поистине, *«Враждовать с США опасно. Но дружить с США смертельно опасно»* (Генри Киссинджер).

И это неслучайно. Идеалы Запада и России прямо противоположны и абсолютно несовместимы, поэтому реально дружескому сближению России и Запада не бывать никогда. Россия вызывала неудовольствие Запада самым фактом своего существования! Поэтому цель Запада — не дружить с русскими, а избавиться от них, доведя их численность до обслуживающего персонала.

Сформированные таким образом традиции этики экономической и повседневной жизни Запада кардинально расходятся с этикой нравственной. Поэтому капиталистический строй ещё больше изуродовал западного человека, культивируя его пороки, стимулируя утилитарное его содержание. Превратил людей в обитателей пчелиного роя со всей его бездушной организацией. Поэтому оздоровление Запада может произойти только тогда, когда он осознает свою ущербность и увидит достойный для подражания образ.

— IX —

Из представленного анализа можно сделать вывод, будто западно-европейская цивилизация является плохой, корыстной и агрессивной, а российская — хорошей, доброй и справедливой. На самом деле при рассмотрении таких сложных явлений, как цивилизации, дуальные оценочные характеристики являются неполными. В действительности данные цивилизационные матрицы являются столь сложными, многообразными и неоднозначными, что рассматривать их с помощью только полярных оценок недостаточно. Просто они разные, а здесь представлены лишь наиболее зримые их очертания.

Вместе с тем в жизни зачастую то, что считается добром, со временем оказывается злом, и наоборот. Или, как полагал Ф. Энгельс: *«Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»* ^[48]. Более того, одно и то же явление может одновременно выступать и как благо, и как зло. Как пример, научно-технический прогресс является источником благополучия человечества и одновременно — причиной возникновения его разрушительных тенденций. С другой стороны, зло совсем уничтожить нельзя, поскольку борьба с ним и есть жизнь — вечное и бесконечное соревнование силы и слабости, материального и духовного, мужского и женского начал ^[49].

С другой стороны, и с российским обществом не всё однозначно. Такие привлекательные его качества, как совесть, стремление к правде и справедливости, не смогли приобрести адекватные им организационные формы для достаточно больших объединений. А поэтому как только логика государственного развития приводила к возникновению крупных конгломераций людей, народов и территорий, требовалось использовать не соответствующие русскому

мировоззрению способы формирования и правящих элит, и производственных отношений, уже апробированных на Западе. В результате русские стали жить по правилам, чуждым собственной культуре, ценностям и трудовым навыкам.

Из-за этого русские не похожи на других, среди них они нередко кажутся и глупыми, и жалкими. Но удивляться этому не приходится: они приняли чуждые своей ментальности ценности, стали молиться не своим богам, подражать чужим вкусам, культурным шаблонам. Внедрили рождённую на Западе экономическую систему, уродливую административную организацию, передачу власти по наследству, а не по достоинству. Приняли западную концепцию налогов, податей, стали существовать в искусственных условиях экономики, управляемой не пользой, а деньгами. То есть начали жить не своей жизнью. Вместе с тем играть по чужим правилам с теми, которые эти правила придумали, значит заведомо обрекать себя на проигрыш. Следует ли в этих условиях удивляться русской противоречивости?!

Великие муки, которые, как никто другой, претерпела Россия за последнюю сотню лет, свидетельствуют о том, что эти муки не простые, а родовые. Что она рождает новую общность, основанную не на материальных, а на духовных ценностях. И в надлежащий момент явит миру свою духовную мощь, в которой он так нуждается.

1.1.3. Цивилизации как ветви человеческой эволюции

— I —

Цивилизации (от лат. *civilis* — гражданский, государственный), представляют собой крупные целостные структуры, характеризующиеся собственным видом и порядком взаимодействия религии, экономики, политики, образа жизни, обычаев и менталитета. Это — *«культурная общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей»* (С. Хантингтон ^[50]), включающая в себя совокупность характерных черт, присущих тем или иным развитым сообществам. Причём это не только внешние, но и внутренние проявления систем, природой и характером содружества людей обусловленные.

Некоторые исследователи представляют развитие человечества как движение единой цивилизации в одном русле с прохождением определённых периодов — стадий. Такой подход получил название линейно-стадиального и рассматривает порядок взросления общества как естественный процесс, в основе которого лежат законы эволюции и представление о *«столбовой дорожке цивилизации»* как смене социально-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и, как венец человеческого развития — коммунистической. Среди его создателей и сторонников много философов-просветителей, в том числе К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи, американские социологи XX в. У. Ростоу, Тоффлер и др. В основе такого видения лежит материалистическое понимание мира как объективной реальности, как проявление вторичности духа и сознания по отношению к материи. А материя, как известно, не зависит от организационных форм тех или иных сообществ и всегда развивается по собственным законам.

При этом полагается, что в рамках образуемых таким образом формаций происходят последовательные изменения, совершенствование форм общественных конгломераций, приобретение ими новых качеств и отмирание отживших. Активно работает «закон маятника», согласно которому всякое явление стремится к своему пределу, после наступления которого начинается обратный процесс и с той же последовательностью. Причём на своём последнем этапе каждая формация вступает в стадию кризисного развития, сопровождающегося крайним обострением социальных, экономических, политических конфликтов, духовным разломом. Аналогичным упадку, который постиг египетскую, античную и другие древние культуры накануне их гибели. И таким образом на прахе погибшей цивилизации закладываются основы более прогрессивной парадигмы развития.

Вместе с тем разделяя данную точку зрения и видя в истории человечества ряд последовательно сменяющих друг друга формаций, сторонники линейно-стадийного подхода расходятся во взглядах по некоторым другим вопросам. В том числе чем глубинным различаются между собой разные формации? Почему одни государства оказываются в одной формации, в то время как другие, при мало чем различающихся условиях, в другой? Обязательно ли каждому народу проходить все стадии развития или некоторые из них можно пропустить? Какое место занимают информационные, духовные и материальные ценности в жизни общества, как влияют они на ход цивилизационного состояния? Какую роль играют личности во всех данных процессах? И эти разногласия заставляют учёных искать дополнительные факторы, оказывающие влияние на общественное устройство.

В этой связи уже в XIX веке некоторые европейские историки пришли к выводу, что между сообществами, находящимися на стадии цивилизационной эволюции, могут наблюдаться не только иерархические, но и межвидовые различия. И это позволило говорить не об единой человеческой цивилизации как таковой, а о нескольких, параллельно развивающихся.

При таком подходе отдельные цивилизации оказываются лишь фрагментами целостной человеческой общности, существенно отличающимися друг от друга, но сохраняющими некоторые одинаковые качества. В этой связи Н. Я. Данилевский (1822 — 1885) ^[44] сформулировал теорию типологии культур или цивилизаций, согласно которой человечество не представляет собой унифицированную структуру, живущую по одним и тем же законам, а является многолинейным и многовариантным конгломератом разных цивилизаций с их сложными отношениями. Наиболее яркими представителями их являются англо-европейская, индийская, китайская, русская, арабская и южно-американская. А также еврейская, которая, в отличие от других, не имеет ярко выраженной пространственной локализации и сохраняется в поле других цивилизаций. Они различаются между собой даже больше, чем существующие политико-экономические формации. В последующем указанную позицию поддерживали Ф. Ницше, О. Шпенглер, М. Вебер, А. Тойнби и многие другие.

Опираясь на данный тезис, германский историк Генрих Рюккерт ^[51] пришёл к выводу, что история человечества — это не единый процесс, а сумма параллельно протекающих преобразований отдельных культурно-исторических сообществ, которые невозможно расположить по одной линии. То есть что тезис об иерархии цивилизаций, о превосходстве или об отсталости какой-либо из них является весьма спорным. И это неслучайно, поскольку *«То, что в Европе вызывает восторг, в Азии карается. То, что в Париже считается пороком, на Азорских островах признаётся необходимостью. Нет на Земле ничего прочного, есть только условности, и в каждом климате они различны»* (Оноре де Бальзак). Отсюда Г. Рюккерт предположил, что иерархии общественных объединений играют в развитии человечества меньшую роль, чем глубинные их различия. А сама цивилизационная модель общества представляет собой переход от младенчества к зрелости, который претерпевает не только каждый отдельный индивид, но и всякая ветвь человечества, движущаяся от состояния дикости к порядку и к последующему за ними исчезновению.

В целом можно полагать, что обе точки зрения, цивилизационная и линейно-стадийная, имеют право на существования и, по большому счёту, не исключают одна другую. Так же как материалистическое и духовно-идеалистическое мировоззрение представляют собой лишь разные способы восприятия действительности, являются диалектически связанными между собой инструментами познания мира.

— II —

Своеобразное толкование понятий «цивилизация» и «культура» даёт А. А. Ивин в своей концепции «двухполюсной истории» ^[52]. Он выделяет два полярных типа общественных устройств, сохраняющихся с некоторыми вариациями на протяжении всей человеческой исто-

рии: коллективистическое и индивидуалистическое. Причём в первой из них общество представляет собой социальную систему, ставящую перед собой глобальную, всеохватывающую цель всеобщего благополучия и ориентированную преимущественно на коллективные ценности. А общество второго типа не имеет подобной цели, не нуждается в социальной ориентации и допускает в широких пределах автономию индивидов. Из-за этого коллективисты и индивидуалисты представляют собой как бы разные миры, обладающие собственными приоритетами и поэтому никогда не будут понимать друг друга.

Отсюда, в свете изложенной классификации, **наиболее яркими представителями первой из них является российская цивилизация, а второй — западно-европейская**. И каждая из них обладает своими цивилизационными признаками. Так индивидуалисты — каждый сам себе судья и наблюдает мир как бы изнутри собственного эго. А коллективистский человек всегда на виду, из-за чего он вынужден быть и более честным, и нравственным, и думать о других. Это накладывает яркий отпечаток на цивилизационные признаки указанных конгломераций, формирует зримые образы их персоналий.

В самом деле, *«И спросил Андрей Иоанн, ученик его: «Равий! Каким народам нести благую весть отца своего небесного?» И ответил ему Иешуа (Христос): «Идите к народам восточным, к народам западным, к народам южным. <...> К язычникам севера не ходите. Ибо безгрешны они и не знают грехов и пороков дома Израилева»* (Андрей Первозванный, апокриф, гл. А.5 «Евангелие от Андрея»). Однако *«Когда они обратились в христианство, вера их пригасла, мечи, двери добычи закрылись перед ними и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию»* (Шараф аз-Заман Тахир аль-Марвази, арабский мудрец ^[53]). Зато Византия смогла вздохнуть облегчённо.

С другой стороны, цивилизации являются не только продуктами человеческого развития, но и формируют самих людей, устанавливают особенности наилучшей для них хозяйственной организации. А в них не только *«бытие определяет сознание»* (К. Маркс), но и сознание управляет бытием. В этой связи, как высказался С. Г. Кара-Мурза: *«На Западе социальный расизм в период формирования капитализма стал частью культуры, даже вошёл в культурное ядро общества. Им был проникнут и либерализм как основное идеологическое учение»* ^[54]. Поэтому нельзя свой цивилизационный код навязывать другим, поскольку привнесение чужой цивилизации в непригодную для неё почву с неизбежностью рождает мутантов, а не здоровые, гармонично развивающиеся особи.

Кардинальные различия европейской и российской цивилизаций не могли не сказаться на трудовых навыках, на особенностях поведения и на характере труда, приоритетах, вкусах и пристрастиях. Так, капитализм, как строй узаконенного обогащения одних людей за счёт других, является, безусловно, западным детищем. Именно в нём наиболее полно проявляется его стремление к стяжательству, к индивидуальному благополучию, не обременённому заботой об окружающих и об его последствиях. Поэтому в последние столетия этот строй и привёл к процветанию Запада, так как в наибольшей степени соответствует его менталитету. А люди другой культуры чувствуют себя в такой экономике неудобно и от этого зачастую проигрывают европейцам, поддерживая, таким образом, миф об их исключительности. Это наложило соответствующий отпечаток на всю систему существующих экономических взглядов.

С другой стороны, лежащий в основе капиталистического строя **индивидуализм** всё в большей мере вступает в противоречие с растущей интегрализацией мировой экономики, с общественным характером современного хозяйства. В самом деле, психология рака-отшельника, заботящегося только о собственной выгоде в условиях, когда производство становится более консолидированным и от деятельности одного начинает зависеть множество людей, по определению не может быть высокопроизводительным. Оно приводит к тому, что они больше борются между собой, чем строят общее благополучие. Стремятся получить большую часть

создаваемых обществом богатств, а не увеличивать их число. И такая борьба со временем становится для человечества всё более обременительной.

Неудивительно поэтому, что в созданных таким образом условиях продуктивность мирового хозяйства, несмотря на значительные успехи науки и техники, неуклонно падает. И в то время как Северная Америка, Западная Европа и Япония потребляют сейчас до 80% всех ресурсов мира — природных, финансовых, человеческих и интеллектуальных, их экономики топчутся на месте. Так, если зарплаты работающих в развитых странах очистить от инфляции, тогда за последние 10 лет они практически не поменялись или даже уменьшились. Отсюда, по данным официальной статистики, к концу прошлого десятилетия почти 80 млн. жителей ЕС и более 43 млн. — США не были обеспечены средствами существования. И это при том, что создавая примерно 20% мирового продукта, Штаты потребляют до 40% от суммарной его величины. Что же тогда говорить о других, менее развитых странах?!

В результате всё большее число государств мира уже не могут достойно содержать себя и своё население. Из-за этого растут региональные и межгосударственные противоречия, множатся конфликты, набирают ход «цветные революции», протесты и вооружённые разборки, растут преступность и терроризм. И всё это сопровождается увеличением дисгармонии Природы и человечества, экологическими извращениями, деградацией политики и морали, несоответствием теории и повседневности. Причём для изгоев общества, целых государств и даже континентов не оставлено никаких возможностей, им не предоставлено никакого выхода, чтобы они в ближайшей перспективе могли хотя бы умозрительно избежать своей конечной гибели. Поистине, *«... именно потому, что семена нового мира уже живы, неистовствуют силы разрушения»* (Саптрём^[55]).

В этой связи отсутствуют перспективы использования большей части существующих экономических знаний для разработки теории прогрессивного и свободного коммунистического общества. В самом деле, в условиях, когда приоритетным направлением хозяйственной повседневности является дисгармония и эксплуатация, не может зародиться система, основанная на принципах добра и справедливости. Поэтому ни научно-технический прогресс, ни повышение продуктивности труда, ни пропаганда нравственно-этических знаний, к которым призывают нынешние идеологи, не делают коммунизм. Он — нечто более существенное, качественно другое состояние человечества, чем ныне имеющееся.

Кроме того, чтобы данный строй стал реальностью, в недрах прежней системы хозяйственных и производственных отношений должны существовать его зародыши, чтобы они могли произрасти и расцвести при благоприятных для них условиях. В западной цивилизации таковых нет, а поэтому при существующих в них приоритетах, менталитете народов и самой хищнической идеологии капитализма идеи коммунизма выглядят утопическими, идеалистическими, неосуществимыми. Красивой сказкой, не имеющей никаких перспектив или хотя бы гипотетически возможной. Точно так же, как волк не начнёт питаться морковкой, как бы его к этому ни призывали. Это — принципиально разные системы организации, другие ветви развития человечества, идущие из одного корня, но в разных направлениях.

Вместе с тем, как следует из анализа, приведённого в предыдущем разделе, **глубинные основы российской цивилизации далеки от деструктивных капиталистических воззрений**. Они базируются на специфических особенностях русского человека, на основанной на них этике, истории, нравственности, морали. Именно они в поиске возможности соединения правды-истины и правды-справедливости породили *«архаический крестьянский коммунизм»* (К. Маркс), который был в огромной степени верой, особой религией, чем осознанной идеологией. И это позволяет, опираясь на всё это, разработать принципы построения коммунистического сообщества, не прибегая для этого ни к революционным переворотам, ни к насилию или социальным катаклизмам. Причём в их основу должны быть заложены, прежде всего, организационно-правовые, нравственные инструменты развития, а не материально-техниче-

ские. Это потребует существенно меньше и времени, и средств, и усилий, и произведёт значительно больший эффект. Именно о них и идёт речь в настоящей монографии.

Вопрос, собственно, заключается не в том, какая цивилизация лучше или хуже, а в их потенциальных возможности, поскольку они и задают вектор человеческого развития. В самом деле, именно культура отображает душу народа, служит тем бастионом, на который наталкиваются всякие модные тенденции, способные разрушить всё, на чём веками держалось человечество и обеспечивало свою жизнестойкость. Поэтому постмодернистские стремления воплотить в жизнь всякие противоестественные установки, в том числе нетрадиционные браки, мультиплюрализм, ювенальность, разрушение семьи, традиционных ценностей, превалирование прав личности над правами общества и др. разрушают основу западного существования. Демонстрирует кризис его культуры, деловых и человеческих отношений, попрание естественных, моральных и нравственных норм. И не имеет перспектив для его дальнейшего существования.

В этой связи российская ментальность, сохранившая до сих пор свой генетический код, консерватизм, уважение к предкам и к их образу жизни является той крепостью, которая спасёт мир и придаст ему импульс движения к прогрессивному, эффективному и справедливому обществу. И заменит противоречащую современному развитию человечества фрагментарность коллективизмом, основанным на принципах гармонии и добра.

1.1.4. Общины и русские артели — предтечи коммунистической организации

Если революция произойдёт в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

К. Маркс ^[56]

— I —

Общины представляют собой древнейшую форму самоорганизации общества. Они характеризуются коллективным владением средствами производства (всеми или некоторыми) и полным или частичным самоуправлением. Известны общины родовая, семейная, домовая, сельская и соседская. И для каждой из них были характерны такие качества, как коллективизм, разделение труда по половому и по возрастному признакам, стремление к соблюдению правды и справедливости, отсутствие любого неравенства за исключением статусного.

Общинный характер производственных и бытовых отношений в прежние времена был характерен для многих стран мира. Так, к XI — XII в. сельские общины в Западной Европе составляли господствующий тип землевладения. Во Франции они выступали как *mazades*, в Бельгии — *masuirs*, во Фландрии — *amborgers* и т. д. В них сообща содержались как пашни, так и угодья, делился только урожай. В английской общине *Malmesbur*'у все члены входили в «сотни» или группы, в которых земля разделялась на пропорциональное их численности количество кусков, а куски — на участки, раздававшиеся по жребию. В Италии подобной системы переделов собственности раз в 20 лет держались *partecipanze di Cento e Pieve* и др.

Существование общин являлось особенностью социального устройства Древнего Востока, многие его государства фактически состояли из объединений большого количества сельских общин, имевших самостоятельную организацию. Как правило, древневосточные общины имели родовой строй, хотя и не всегда следовали ему. Но постепенно общины утрачи-

вали родственную общность и превращались в содружество соседей, которых связывала совместная территория, права и обязанности по отношению друг к другу и к государству.

В Индии древнейшей формой землевладения являлась родовая община, члены которой жили в нераздельности, обрабатывали землю сообща и удовлетворяли свои потребности из общих доходов. Существовавшая вначале кровная связь между членами общины постепенно ослабевала, в результате чего у отдельных ветвей рода появлялось стремление к отпадению. И тогда большая община распадалась на ряд малых. В последующем в них опять происходило дробление, пока не появились определяемые наследственными правами неравные земляные наделы.

В Алжире как у берберов, так и у арабов община первоначально была господствующим типом землевладения. Однако после присоединения его к Франции началось изменение имущественных отношений, в результате которых с 1873 г. установилась частная собственность на землю. И примерно то же самое с той или иной последовательностью происходило в других странах.

Так, уже начиная с XV в. формы поземельной общины, существовавшие в Средние века, постепенно подверглись изменению и разложению, из-за чего общинные порядки землевладения стали ослабевать и исчезать. В этом отношении характерна история раздела земель в долине Baretous. В ней отмену прежних порядков, основанных на семейно-общинных началах, потребовали члены общин, разбогатевшие с помощью торговли.

Стремление выделиться из общины, превратить землю в собственность со стороны более зажиточной части общинников было заметно и в других местах. И этому способствовали не только внутренние, но и внешние обстоятельства, сопутствующие распространению профессионального разделения труда, возникновению товарно-рыночных отношений и росту конкуренции. Не всегда и не во всех странах действовали они одновременно и с одинаковой интенсивностью, но везде приводили к разложению и уничтожению поземельной общины либо путём экспроприации, либо посредством раздела общинных земель между общинниками, либо корыстными устремлениями земельных феодалов.

С другой стороны, падению общин способствовало также изменение экономических воззрений на природу богатства и на роль земледелия, начавшееся в XVI в. и достигшее апогея в экономической литературе XVIII века. Наконец, к этим двум агентам разложения присоединилось и государство, с XVIII века решительно выступившее против общин в пользу раздела общинных земель, поскольку ему удобнее было иметь дело с незащищёнными одиночками, чем с организованными их сообществами. И так зарождались основы нового класса земельной буржуазии и капиталистического государства, юридически и фактически закрепляющие право эксплуатации одних людей другими на основе частной собственности, капитала и различных форм ренты.

— II —

Русская община возникла в незапамятные времена. Она пережила и татарское иго, и феодализм, и абсолютизм монархии, и наступление капитализма. Многоземелье и относительно небольшие размеры русских деревень способствовали использованию в них коллективных форм труда и взаимопомощи. В отличие от древнегерманской марки, в которой крестьянин имел свой надел и мог его продать или сдать в аренду, в русской общине такое не допускалось. Земля была общинной собственностью и крестьянин не мог ни продать, ни заложить свой надел.

В области самоуправления русская община (волость) имела намного больше прав, чем в других государствах. Они осуществляли распределение земель, регулировали их использование, раскладку «тягла», избрание сельских властей (старост, а впоследствии волостных старшин), сбор средств на мирские нужды, организовывали взаимопомощь, решали гражданские и мелкие уголовные дела. При этом волость, наряду с феодальными поместьями и вотчинами,

являлась территориально-административной единицей, частью государственного организма. В связи с этим выборные волостные власти выступали представителями государственной администрации в низовом звене и одновременно — защитниками прав жителей волостей. Причём особенностью русской общины было не ослабление, а напротив, её укрепление в поздний период.

В условиях крепостного права отношения между помещиками и крестьянами строились на признании общины и её выборных представителей как органа, регулирующего хозяйственную и бытовую жизнь деревни. И если обычно помещики изымали из ведения общины функции суда и расправы, то у государственных крестьян они в значительной мере сохранялись. За общиной закреплялось также хозяйственное распоряжение наделными землями, организация производства в крестьянских хозяйствах, регулирование внутридеревенских гражданских и семейных отношений ^[54].

Всё это позволяло русским общинам не только существовать, но и укрепляться со временем. Привело к тому, что «... историческое положение русской „сельской общины“ не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьёзов, обломков первобытного типа, которые ещё недавно встречались на Западе, но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи» (К. Маркс ^[56]). И это создавало уникальные возможности для русского государства.

Неслучайно поэтому в последнее десятилетие своей жизни Маркс обращал свой взор на Россию и даже начинал учить русский язык, поскольку именно здесь со второй половины XIX века наблюдалось движение к народническому («русскому», общинному) социализму. При этом народники видели в русской общине сохранившуюся с ведических времён почти готовую ячейку коммунизма, развитие которой способно было обеспечить России особый, отличный от Западной Европы, некапиталистический путь исторического развития. А также избавить крестьянство от мук «вываривания в фабричном котле капитализма» — пролетаризации и обнищания ^[58].

При этом русская община не жила изолированно от современного ей мира. С одной стороны, общая земельная собственность давала ей возможность не только существовать, но и превращать индивидуальное землепользование в коллективное. А с другой — такая форма производственных отношений не являлась для них чуждой, непривычной, не отвечающей народным обычаям и чаяниям. Поэтому «в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, ещё существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе» (К. Маркс ^[56]). А поскольку рабочий класс в основном формировался выходцами из села, они обеспечили в среде городских рабочих господство общинного крестьянского мировоззрения, общинной самоорганизации и солидарности.

Таким образом, культура, менталитет, восприятие мира, практика, обычаи и нравственность, присутствующие в русской цивилизации, в наибольшей степени оказались приспособленными для построения справедливой жизни и реализации коммунистических идеалов. В самом деле, уже в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта (80-е годы XIX века) ^[59] было показано, как в крестьянской общине вырабатывались и совершенствовались представления о благой жизни, которые в 1905—1907 гг. излагались в виде наказов и приговоров. Именно из них брали свои лозунги во время Революции эсеры и большевики.

Неслучайно поэтому исследователь русского крестьянства А. В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идёт не логическим, а историческим путём. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей

основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями» [60].

Таким образом, если на Западе демократия означала превращение общинного человека в индивидов, каждый из которых имел равное право голоса («*один человек — один голос*»), а власть устанавливалась и легитимировалась снизу этими голосами. Однако сам индивид при этом не имел никаких социальных прав, в том числе права на жизнь, которое давалось или не давалось ему рынком. То в России она представлялась как механизм обеспечения равноправия и социальной справедливости не только материальных, но и межличностных отношений.

— III —

Одним из самых успешных опытов современной реализации общинного принципа организации жизни и труда явились израильские Киббуцы, характеризующиеся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. В начале XX века многие еврейские репатрианты из России мечтали о создании общества социальной справедливости и во имя него были готовы на любые лишения. Они были знакомы с русскими общинами и сохранили определённые связи с русской культурой, поэтому ход их мыслей был вполне очевидным. И дополненные духом национального возрождения, религиозной моралью и идеологией Аарона Гордона, еврейского философа и публициста, они решили воплотить данные принципы в новых условиях жизни.

Им пришлось столкнуться с огромными трудностями, но благодаря упорству, взаимовыручке и хорошей организации юные идеалисты преодолели все невзгоды и сделали то, что ранее считалось невозможным: создали в безводной пустыне передовое сельскохозяйственное производство. После этого опыт новаторов взяли на вооружение и другие переселенцы. В результате уже к началу Первой мировой войны в стране было 8 киббуцев, к моменту обретения Израилем независимости — более 170, а в 80-е годы XX столетия их уже оказалось свыше 250. И вследствие этого в стране в сравнительно короткие сроки было создано высокопродуктивное сельское хозяйство. Государство смогло не только обеспечивать собственное население продовольствием, но и экспортировать сельхозпродукцию. При этом не все киббуцы были сельскохозяйственными, тогда же впервые появились и рабочие коммуны.

Киббуцы представляли собой добровольное объединения граждан, главным законом которых было социальное равенство. Частной собственности и права наследования в них не существовало, земля, дома и все средства производства принадлежали общине, все важные решения принимались коллегиально. Жители киббуца питались в общих столовых и получали одинаковую зарплату независимо от вида выполняемой ими работы, а для поездок в другие места брали общественные автомобили. Ввиду отсутствия собственного имущества люди в них стремились не к обогащению, а к созданию условий для совместного блага и процветания. Позднее многие общины изменили правила: земля и средства производства остались в них общественными, но жители киббуцев могли иметь в частной собственности дома, машины и бытовую технику, а зарплаты стали дифференцироваться.

Киббуцы живут по израильским законам, но в них действуют и собственные, регулирующие политику и отношения между всеми членами сообществ правила. Они были сформулированы ещё в 20-е гг. минувшего столетия и не потеряли своей актуальности сейчас, распространяются на все поселения подобного рода и заключаются в следующем:

- каждый член общины должен принимать участие в коллективных работах, кроме детей и стариков, вне зависимости от занимаемого им положения;
- пожилые люди, уже сделавшие свой вклад в развитие и процветание общины, содержатся за счёт трудоспособных членов;
- дети, рождённые в поселении, получают образование и всё необходимое им до совершеннолетия за счёт общины;
- женщины по достижении совершеннолетия обязаны вносить свой трудовой вклад в развитие, но заняты они только на лёгких работах;

- распределение продуктов и организация труда основываются на принципах самоуправления;
- каждому члену коммуны гарантированы равные права, условия жизни и медицинское обслуживание;
- хозяйственная сфера общины и жизнь каждого из её членов строго регламентированы и подчинены жёсткой дисциплине;
- каждый житель кибуцы, независимо от пола и возраста, получает полную свободу в части вероисповедания и политических убеждений;
- все производственные, бытовые, организационные, просветительные и материальные вопросы решаются сообща.

В кибуцах не используется наёмный труд, участвовать в общественных работах позволено только полноправным их членам. При этом производительность труда, жизненный уровень и социальное обеспечение в них оказались существенно выше, чем в любых других производственных объединениях, в том числе при использовании частной и общественной собственности^[61]. И этот опыт внушает оптимизм.

— IV —

В соответствии с изложенным, рассмотрим традиционные формы **производственных отношений**, соответствующих базовым общинным принципам.

В России наиболее производительной оказалась хозяйственная структура, основанная на деятельности малых групп, в которых «*один — за всех и все — за одного*». В них проявляются присущие русскому человеку традиционные ценности, групповая инициатива, нестандартность мышления, коллективный талант. «*Именно эти факторы способствовали, причём с самых первых шагов и на протяжении всей истории, созданию общинных, групповых структур управления, коллективных, часто артельных форм организации труда, заложили основу последующего развития коопераций*» (акад. Л. Т. Абалкин^[62]).

В самом деле, артели на Руси существовали с незапамятных времён. Так, в документах (духовных и договорных грамотах князей) XIV века и позже описывались охотничьи, рыболовные, «сокольничьи» артели, а также артели плотников, кузнецов, извозчиков, «ярыжных» (бурлаков и судорабочих), «кормомщиков» (арендаторов земли) и др. При этом на севере и востоке преобладали промыслово-охотничьи артели (рыболовецкие, «тюленьи», «моржовые», звероловов). А в центральной части Европейской России — артели плотников, каменщиков, маляров, валяльщиков, шерстобитов, иконописцев, офеней (мелких торговцев вразнос), камнетёсов, рогожников, шорников и др.

Такие объединения выступали под разными именами, в том числе «артель», «братия», «порука», «ватага», «землячество», «мир» и др. Причём если община представляла собой оседлое, прочное, корневое начало, сопряжённое с семьёй, родом, воспитанием и возрастанiem детей, то **артель являлась формой народного предпринимательства**, добровольного объединения людей для совместной работы и получения наилучших результатов. И не была жёстко связана с местом проживания её членов.

Артели создавались для выполнения как разовых, временных (сезонных), так и постоянных работ. Они состояли из близких по возрасту, физической силе, опыту и трудовым навыкам людей, хорошо знающих друг друга и пользующихся взаимным уважением, которые скрепляли свои отношения договором (обычно устным), обетом или клятвой. Управление артелью осуществлял староста (рядчик, подрядчик, батырь, кормщик, атаман, усредник и др.). Он избирался на общем собрании из числа наиболее уважаемых и опытных членов артели. Ему предоставлялись широкие права, но контроль за ним осуществлялся повсеместный и смещались они без каких-либо сложных процедур.

Таким образом, русская артель являлась добровольным товариществом равноправных работников, призванным решать различные хозяйственные и производственные задачи на

основе коллегиальности и взаимовыручки. При этом объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а наоборот, поощряло их. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и обособленному труду наряду с коллективными, согласованными с другими усилиями.

При этом все члены артели были абсолютно равноправны и попытки одних получать выгоду за счёт других жестоко пресекались. А если кто-то из артельщиков получал особые полномочия, он продолжал работать наравне со всеми. Равноправие не подразумевало уравнительного распределения дохода, которые осуществлялись по труду и квалификации, по заслугам и справедливости. А поскольку оплата каждого члена артели зависела от результатов их совместного труда, он не только старался лучше работать сам, но и требовал того же от других. В этой связи все члены артели были связаны круговой порукой и за результаты работы отвечали сообща.

Деятельность артелей не сводилась исключительно к экономике, к получению дохода или к решению каких-либо хозяйственных задач. Они несли также не менее важную морально-нравственную нагрузку, служили инструментом воспитания людей, формирования их трудолюбия, обучения мастерству, культуре и мотивации общественного поведения. Устанавливали правила социального взаимодействия, соответствующие народному менталитету, по-сути представляли собой своеобразный образ жизни. Так, в большинстве артелей был строгий подход к компетенции и навыкам не только самих членов, поведению их предков, но и к новопринимаемым лицам, к их нравственному облику, к способности соблюдать писанные и неписанные нормы артели.

В этой связи русская артель являлась носителем ценнейшего опыта низовой производственной самоорганизации народа, всецело связанной с его жизнью и всеми её проявлениями. По этому поводу Д. И. Менделеев писал: *«В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят решить на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение»* [63].

Таким образом, в артелях преобладал коллективный принцип самоорганизации жизни и производственных отношений, характерный для русского человека. Поэтому *«Артельность не выдумана, не искусственное движение, созданное в каких-либо групповых интересах, а общечеловеческое стихийное явление, творчество всего народа, во всей совокупности его сил, истинная социальная система, всесторонне охватывающая как жизнь человеческой личности, так и всего человеческого общества»* (один идеологов артелей М. Слобожанин [64]).

В целом можно выделить некоторые общие черты, характерные для русских артелей. Так, в них наиболее ярко и полно проявлялось стремление русского человека к творчеству, к правде и справедливости. Демократические принципы выбора руководителей, их неукоснительной отчётности перед членами артелей соблюдались повсеместно. Присутствовала коллективная ответственность за конечные результаты деятельности, за наилучшее и качественное исполнение работ, за организацию труда и повышение его производительности.

Не нарушались права никаких членов артели при одновременном приоритете большинства над меньшинством. Более того, во многих артелях каждый член мог наложить запрет на решения, которые не соответствовали его представлению о правде и справедливости, и активно защищать свою позицию. При этом были чётко установлены не только права, но и обязанности перед другими членами артели. Они неукоснительно защищали всех своих членов, в них был *«один за всех, и все — за одного»*. Моральность и нравственность включались в производствен-

ный процесс автоматически, использовались для улучшения производственных отношений и повышения результативности совместной деятельности.

С начала XVIII века артельные формы труда стали использоваться также на заводах и фабриках, что послужило одной из основных причин бурного развития в России промышленного производства. Причём производительность труда и качество производимой продукции в артелях были исключительно высокими, что существенно понижало цены на неё и повышало конкурентность артелей не только на внутреннем рынке, но и на внешних. И это позволяло сопротивляться попыткам навязать чужие модели коллективизма: кооперативы, коммуны, частнособственническое предпринимательство, «рациональное» экономическое поведение, протестантскую хозяйственную этику и др.

С другой стороны, артели не могли существовать сами по себе и не зависеть от окружающей их действительности. Поэтому уже к XIX веку они начали принимать некоторые формы кооперативного движения, выработанные общественной мыслью Западной Европы, соотносясь при этом со своими национально-культурными традициями. Время требовало своё, а поэтому производственные артели вращались в капитализм и постепенно превращались в обычные экономические ассоциации (акционерные общества, фирмы, компании и т.п.).

Иногда они трансформировались в кооперативные товарищества, члены которых уже не были заняты совместным трудом, но организовывали общий бизнес в сфере сбыта, транспортировки, закупки сырья, использования инструментов, машин и так далее. И это позволяло артелям выживать в сложных экономических условиях. В результате к 1914 году в России насчитывалось около 10 миллионов членов кооперативов и артельщиков, которые обеспечивали проживание примерно 50 миллионов человек.

При этом русская артель не была частным случаем кооперации, поскольку если артель являлась носителем равноправия, справедливости, то кооператив — только коллективного сотрудничества. Если в первой из них не допускались эксплуатация, отсутствие демократии, безнравственное отношение друг к другу, извлечение прибыли за счёт других, то вторая этим широко пользовалась. Артель представляла собой продукт традиционного права, тогда как кооперация — итог измышлений политиков, идеологов и общественных деятелей, вдохновлённых идеями кооперации и социализма.

В конечном итоге, ослеплённые западным стяжательством, российские промышленники отказались от собственного опыта успешного хозяйствования и перешли на модель экономики, основанную на принципах господства и подчинения. Так им было проще становиться богатыми. И таким образом утратили собственные преимущества, стали пользоваться суррогатами Запада, метаться, подобно ошпаренной курице, от одной модной западной доктрины к другой. А Запад, не без корысти, им эти идеи подсовывает. Иногда информационно, а зачастую с помощью всякого рода колабораторов, подкупом, дезинформационно и насильственно. И безбожно пользуется открываемыми ему при этом возможностями.

Тем не менее, традиционные ценности русского народа на генетическом уровне сохраняются, пробиваясь сквозь толщу чужеродного опыта, делая неэффективными успешно работающие на Западе модели и порождая собственные подходы к хозяйствованию. Из-за этого идеология безграничной частной собственности и личного обогащения не смогла и не сумеет пустить глубокие корни на русской почве. И понятно, что в таких условиях принцип западного стяжательства, не завязанного на благополучие окружающих, воспринимается населением как глубоко безнравственный. Поэтому принцип, согласно которому чем больше у человека денег, тем больше у него прав, никогда не будет пользоваться уважением в России.

— V —

В связи со всем этим артельность до сих пор является неременным условием достижения россиянами существенных успехов. Поэтому если и есть секрет выживания русских в экстремальных условиях, то он заключается во взаимопомощи, обусловленной артельными прин-

ципами взаимоотношений, лежащими в их основе человечностью и добром. К ним интуитивно прибегают они в сложных судьбоносных условиях и они их всегда выручают. Там, где от них отступались, где пытались слепо копировать чужие ценности, принципы организации труда, человеческих отношений, культуры, искусства — неизбежно наступали неудачи. И начинались бесполезные сетования на русскую нестандартность, неспособность, отсталость, загадочность славянской души.

Именно артельными были принципы организации казачьих войск, взаимоотношения в производственных, научных, культурных и спортивных коллективах, достигавших наибольших успехов. В таких формах проявлялась присущая российскому народу групповая инициатива, нестандартность мышления, коллективный талант.

Так, вспомним штурмовые отряды времён Сталинградской битвы, в которые входило несколько десятков бойцов, объединённых чувством товарищества и братским доверием друг к другу. Они объединяли в себе представителей чуть ли не из всех родов войск: пехотинцев, пулемётчиков, танкистов, снайперов, бронебойщиков, миномётчиков, сапёров, разведчиков и даже артиллеристов. *«На миру и смерть красна!»* — провозглашалось ими. Каждый из бойцов имел свою строго индивидуальную задачу, согласованную с другими и при необходимости всегда получал помощь от них. Это была *«Сталинградская штурмовая группа — малая по численности, сильная ударом, неотразимая в действии и изворотливая, как змея»* (командующий 62-й армии, оборонявшей Сталинград, В. И. Чуйков). Немцы во время этой битвы имели многократное превосходство в численности, в опыте солдат и офицеров, в авиации и танках, в свободе маневрирования резервами. Поэтому устоять в таких условиях немногочисленным, плохо вооружённым и малообученным войскам при традиционной иерархической организации войск (полки, батальоны, роты, взводы и отделения), при отсутствии надёжной связи, недостатке боеприпасов и поддержки авиацией было невозможно.

Тем не менее, несмотря на подавляющее превосходство в силах, немцы ничего не могли с ними поделать. Так, у дома сержанта Павлова было уничтожено больше врагов (свыше 400 человек), чем при оккупации некоторых европейских государств, но взять этот дом они так и не смогли. И в конечном итоге это повернуло вспять весь ход 2-й мировой войны.

Только благодаря коллективизму и взаимопомощи жителей Ленинграда в условиях жесточайших морозов, голода, бомбёжек и артобстрелов, в которых погибло свыше 1 мил. человек, город смог устоять, выжить 900 дней блокады и победить жестокого врага. Индивидуалисты на это были бы не способны.

В самом деле, лишь широкое использование коллективных, артельных, товарищеских отношений в военном производстве во время Отечественной войны и расширение их до масштаба государства позволило Советскому Союзу в сложнейших условиях наладить производство вооружения и превзойти в этом отношении гитлеровскую Германию вместе со всеми её сателлитами. *«Всё для фронта! Всё для победы!»* — этот призыв понимался всеми и прекрасно работал всю войну. Причём несмотря на то, что юридически вся собственность принадлежала государству, в реальности она работала как коллективная: её берегли, преумножали, совершенствовали. И это делало невозможное возможным. Об этом прекрасно написал в своих воспоминаниях В. Н. Новиков, заместитель наркома (министра) вооружения СССР во время Отечественной войны^[65].

Однако в послесталинскую эпоху от этой практики стали постепенно отказываться, вследствие чего темпы развития СССР начали понижаться. Руководство его стало обуржуазиваться, отрывать от народа, бюрократизироваться, что в конечном итоге и привело страну к столь плачевному финалу.

При этом отметим, что если принцип коллективизма применялся не только в низовых структурах общества, но и во всех, стоящих над ними, тогда эффективность деятельности государства резко повышалась. В самом деле, способ управления производственными и жизнен-

ными проблемами в форме приказ — исполнение является наиболее простым, но не всегда и не везде хорошо работающим. Он больше подходит немцам, которые являются прекрасными организаторами, любят дисциплину и умеют безоговорочно подчиняться. Но не русским, которые во всё, что они делают, склонны вносить что-то своё, собственное. Они должны понимать общий замысел и тогда их творческий потенциал позволит воплотить его в жизнь самым простым и оптимальным образом.

В целом можно полагать, что наряду с частной и общественной собственностью на средства производства, которые являются крайними, имеет место также собственность промежуточная, т.е. **коллективная, артельная**. И она свободна от недостатков как первой из них, так и второй. Продуктивность такой собственности оказывается наивысшей, воспитательное значение людей — максимальным, а производственные отношения — наилучшими. Поэтому пренебрегать следуемыми из неё организационными формами при строительстве коммунистического общества неразумно. К тому же они в полной мере соответствуют коммунистическим идеалам. Остаётся только придать им современную правовую, управленческую и организационную базу, что и является одной из главных целей данной монографии.

1.1.5. Земства как успешный опыт работы местного самоуправления

— I —

По сравнению с административными службами центральных органов власти местное самоуправление в наибольшей мере обеспечивает права и свободы граждан, усиливает их возможность участвовать в совместных делах, способствует повышению эффективности всего управления. В самом деле, **в унитарном государстве** отсутствуют какие-либо государственные образования, обладающие правами суверенности, а его административно-территориальные структуры подчиняются центральным органам власти. Отсюда оно не может быть демократичным и способно существовать только путём подавления всякого своеобразия.

Поэтому для построения демократического и высокопродуктивного государства обладающее автономными правами местное самоуправление незаменимо. Более того, **чем больше прав и выше авторитет местных органов власти, тем с большим основанием можно считать страну свободной, гармоничной и человечной. Именно этот фактор в наибольшей степени отражает суть существующего государства**. В этой связи рассмотрим особенности развития такого самоуправления в России, которое оставило громадный след в её истории.

За время существования крепостного права в России государство не осуществляло непосредственной опеки над большей частью населения в связи с тем, что ответственность за крепостных лежала на плечах помещиков. Они обладали всей полнотой власти над своими крестьянами и должны были принимать меры к обеспечению их благополучия, к устранению беспорядков, недовольства, радеть о благоустройстве деревни. Но после крестьянской реформы 1861 года ситуация кардинально изменилась. Миллионы крестьян получили личную свободу и гражданские права. И хотя они были ограниченными, тем не менее из бывших крепостных надо было воспитывать свободных граждан России. А поэтому перед властью встали важнейшие задачи переустройства и государства, и общества, и самого управления.

В связи с этим Император Александр II подготовил Именной указ Правительствующему Сенату от 1 Января 1864 года, в котором поручалось: *«Признав за благо призвать к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных пользы нужд каждой губернии и каждого уезда, местное их население, посредством избираемых от него лица, Мы повелели Министру Внутренних Дел составить, на указанных нами началах, проекты постановлений об устройстве особых земских, для заведывания упомянутыми делами, учреждений»*

[66]. При этом создание Земств решало сразу две задачи. С одной стороны, оно частично компенсировало потерю власти дворянством, а с другой — перекладывало решение местных проблем и задач благоустройства территорий на плечи на плечи их жителей, а также на представителей всех сословий, всего населения страны.

В соответствие с данным Указом, на уровне уездов и губерний Российской империи, где существовало дворянское землевладение, предстояло организовать **Земства** (земские учреждения), которые были ориентированы на удовлетворение повседневных нужд населения. Они представляли собой выборные органы местного самоуправления и действовали с 1864 по 1919 гг. В результате к 1916 г. земские учреждения работали в 43 из 94 губерний и областей России, а их деятельностью было охвачено 110 из 172 млн. общего народонаселения страны. В связи с успешной их работой в 1870 г. по типу земской была проведена также городская реформа. Она заменила прежние сословные службы всесословными выборными городскими учреждениями — городскими думами и городскими управами.

Члены Земств избирались из своей среды дворянами, землевладельцами, торговцами и промышленниками, обладающими недвижимым имуществом определённой ценности, а также сельскими обществами сроком на три года. Причём выборы по крестьянской курии были многоступенчатыми: вначале сельские общества выбирали представителей на волостные сходы, те — выборщиков, а последние — гласных в уездное земское собрание. С 1890 года дополнительно был введён ещё и сословный избирательный ценз.

Деятельность земств была подчинена надзору губернаторов и Министерства внутренних дел. При этом главным, за чем неукоснительно следил губернатор, было строгое выполнение земствами своих прямых обязанностей, то есть решение административно-хозяйственных, а не политических задач. Высший надзор за работой земств осуществлял Сенат, который играл стабилизирующую роль во взаимоотношениях между земствами и местной администрацией.

Земские собрания, как представительные органы, работающие на общественных началах, проводились под председательством уездных предводителей дворянства или иных лиц, назначаемых на эту должность губернатором. Они собирались ежегодно для установления направлений деятельности земств и контроля за исполнением принятых решений. В них, помимо гласных, входили также местные представители административных ведомств, в том числе государственного имущества, духовного развития, попечительства и др. А поскольку земство — это орган, осуществлявший не только совещательные, но и исполнительные функции, из числа депутатов съезда избирались члены постоянно действующей **Управы**. В их число, кроме председателей, входило несколько их помощников, работающих за вознаграждение, число которых зависело от размеров земств [67].

Функции земств оказались крайне обширными. Они самостоятельно определяли главные направления своей деятельности (за исключением ряда обязательных повинностей — строительства, мостов, переправ, содержания общественных учреждений). Особое внимание ими уделялось здравоохранению, образованию, воспитанию и повышению хозяйственной культуры граждан. В результате земствами было построено множество больниц, фельдшерских и медицинских пунктов. А также школ, библиотек (только в 1898 году последних было открыто 5 тыс., а в 1910 г. — уже около 30 тыс.), музеев, театров, выставок, народных домов, курсов и народных чтений для взрослых.

Земства впервые в истории медицины и здравоохранения разработали и внедрили новую форму организации медпомощи — территориальную участковость, которая в дальнейшем на принципиально иной социально-экономической основе была развита советским здравоохранением. В соответствие с ней, уезды делились на участки (обычно по 4 — 5 на уезд). Каждым участком заведовал врач, содержащийся земством. Для приёма амбулаторных больных, а также стационарного лечения нуждающимся в каждом участке работали земские больницы или при-

ённые покои, в которых обслуживание, предоставление лекарств и содержание больных было бесплатным.

В среднем на участкового врача приходится по 10 — 15 тыс. человек, поэтому его разъезды были очень частыми. Помощниками земских врачей являлись фельдшеры, акушерки и фельдшерицы. Денежное содержание всех этих работников было сравнительно высоким. Кроме того, они обеспечивались бесплатным жильём, транспортом, имели социальные льготы, а поэтому труд земских медиков был весьма престижным. Для объединения деятельности земских врачей периодически созывались их съезды (первый из них был организован в Твери в 1871 г.).

Одним из основных направлений деятельности земств являлось просвещение и грамотность населения. И это неслучайно, поскольку приоритет образования отлично понимали в обществе, а официальные структуры с этой проблемой справлялись недостаточно. Поэтому ещё до всяких реформ общественностью в России явочным порядком были созданы Комитеты грамотности. Они ставили целью своей деятельности содействие начальному образованию, устраивали педагогические курсы для народных учителей, издавали дешёвые книги, учебные пособия и естественным путём влились в земское движение. Так, всеобщее начальное образование в России было введено именно по инициативе земства.

Земские школы были двух типов — одноклассные с трехгодичным курсом обучения, рассчитанные на пятьдесят учеников с одним учителем. И двухклассные с четырёхлетним курсом с 50 и более учениками в зависимости от количества детей в селе, от потребности в образовании, от материальных и денежных возможностей местной земской управы. А обслуживались они уже двумя учителями.

Причём во главу угла деятельности земств были поставлены земские учителя, зарплаты которых достигали 40 руб./месяц, в то время как раньше им платили всего по двенадцать — пятнадцать рублей. Выше были зарплаты только у земских врачей. При этом из заработков учителей не делались никакие вычеты притом, что лекарства для них были бесплатными, земство платило за учительскую квартиру, дрова, вычитало только половину стоимости подписки на периодические издания, оплачивало стипендии будущим учителям и врачам, само выплачивало им пенсии.

Кроме указанных направлений деятельности земств в начале XX века был введён также институт земских агрономов, которых было несколько на уезд. Они учили правильному использованию органических удобрений, пропагандировали травосеяние, организовывали сельскохозяйственные лаборатории, руководили работой опытно-показательных хозяйств. Через кооперативы и земские сельскохозяйственные склады снабжали население на льготных условиях сортовыми семенами, кормами, обеспечивали их передовыми орудиями труда и машинами, предоставляли удобрения, организовывали специализированные учебные заведения, устраивали временные курсы, выставки. Среди мероприятий земств по содействию экономического благосостояния населения немалое место занимала также агрономическая помощь — осушение болот, орошение засушливых земель, борьба с оврагами, окультуривание опытных полей и т. д. А также улучшение животноводства путём организации ветеринарных пунктов, закупки племенного скота, оздоровления его рациона, обустройства пунктов содержания, хлевов, коровников, овчарен и конюшен.

Наряду со всем этим земства осуществляли пропаганду агрономических и медицинских знаний, правил гигиены и санитарии среди населения. Организовывали бесплатные курсы повышения квалификации, на которые направлялись земские врачи, учителя и агрономы. За ними закреплялись хозяйственные задачи местного благоустройства: строительство и содержание больниц, школ, ветеринарных пунктов, домов призрения, благотворительности, ремонта дорог, страхования от несчастных случаев и тому подобного. Они устраивали места прожи-

вания людей, следили за чистотой и порядком, организовывали уборку и окультуривание территорий. А позднее, с развитием единоличных наделов — обучение их хозяев основам агрономических знаний, внедрение новой техники, развитие ремёсел, кустарных производств. Так, земства предоставляли кустарям заказы, кредиты, снабжали сырьём, организовывали сбыт их продукции, безвозмездно защищали их права.

Кроме того, земства содержали заведения для душевнобольных, дома престарелых, сирот и школы для них, обеспечивали всем необходимым госпитали и богадельни. Устраивали приюты для подкидышей и слепых, основывали детские ясли на период полевых работ, ночлежные дома при школах для детей из удалённых селений. Предоставляли единовременную помощь населению, пострадавшему в результате стихийных бедствий. Кроме того, в 1-ю мировую войну они осуществляли призрение сирот, оказывали помощь инвалидам, раненым, беженцам и семьям фронтовиков. Организовывали почтовые службы для пересылки корреспонденции внутри уездов, а также осуществляли связь с государственной почтовой службой. Наряду с этим для повышения эффективности своей деятельности земства проводили статистические обследования сельского хозяйства и его социально-экономического развития, анализировали состояние болевых точек и изыскивали способы их устранения.

В условиях бурного роста кооперативного движения начала XX века земства оказывали также содействие развитию кооперации. Для финансирования кооперативов они учреждали земские кассы мелкого кредита, проводили их инструктаж, устраивали кооперативные съезды и курсы, привлекали кооператоров к проведению различных экономических и культурно-просветительных мероприятий. При этом население приучалось к страхованию своего имущества, в результате чего оно приобретало финансовую устойчивость и проводилось как в обязательной, так и в добровольной форме.

Со временем полномочия земств ещё более расширились. Так, они стали проводить вакцинацию населения (в конце XIX века против оспы), организовывать помощь в неурожайные годы, создавать противопожарные службы, заниматься попечительством о народной трезвости и др. Они обустроили территорию Бородинского поля к празднованию 100-летнего юбилея сражения, построили на нём дороги и поставили монументы. Для помощи в организации всех исполняемых работ у земств имелись собственные печатные органы: журнал «Самоуправление», выпускались специальные газеты, брошюры, освещавшие успехи земского движения и доводящие до общественности планы его последующих действий [68].

Поскольку все эти мероприятия требовали немалых финансовых и трудовых вложений, земства обладали некоторыми постоянными источниками собственных доходов. Они состояли из части прибыли организаций и частных лиц, которые располагались на их территории, от налогообложения недвижимого имущества (главным образом строений, земель и лесов), от разработки и эксплуатации местных природных ресурсов и полезных ископаемых, от выдачи свидетельств и патентов на торгово-промышленную и некоторые другие виды деятельности. Земства получали также доходы от эксплуатации собственного недвижимого имущества и от своих хозяйственных предприятий, проценты с принадлежавших им капиталов, акций и др.

Наряду с этим земствам было предоставлено право облагать население целевыми сборами и повинностями (денежными, трудовыми, гужевыми и т.д.) на земские нужды. Причём их величины устанавливались исходя от конкретных решаемых задач, а поэтому контроль за целевым использованием формируемых таким образом средств и за результатами их финансирования был повсеместным. И таким образом земства сами формировали свой бюджет, устанавливали, сколько денег им нужно собирать и на что конкретно они пойдут. Решения по этим вопросам принимались делегатами губернских съездов и лишь в отдельных случаях требовалось согласование с представителями государственной администрации. Кроме этого, земства получали от меценатов и правительства значительные целевые кредиты и пособия на строи-

тельство школ, больниц, устройство сельскохозяйственных опытных станций, борьбу с эпидемиями, со стихийными бедствиями и т. д.

В результате за более чем полвека существования земского движения в России возникла развитая инфраструктура, особенно в провинциях. Земствами была построена сеть дорог, мостов и паромных переправ, связывающих между собой населённые пункты и города. Почти в каждой деревне открылись церкви, школы, больницы, фельдшерские пункты, качество преподавания и лечения в которых зачастую не уступало тому, которое было в городах. Отсюда за годы своего существования земства подняли уровень образования, культуры населения и народного здравоохранения, расширили агрономическую помощь крестьянам в таком масштабе, на который государственная власть была неспособна.

Вследствие этого на хуторах и отрубках развилось более совершенное землепользование с применением агротехнических приёмов, с использованием современных машин и инвентаря. Под влиянием научно обоснованной организации и возрастающей справедливости повседневной жизни оздоровился морально-нравственный и культурный облик людей. Улучшилась комфортность их проживания, санитарии, обустривались места досуга и отдыха. При этом земства широко использовали преимущества, присущие общинам и артелям, вследствие чего стоимость производимых ими работ была низкой, а качество их — высоким.

С помощью земств в некоторой степени был разрешён вопрос о разгрузке центральных губерний от малоземельных крестьян благодаря переселению их в районы Сибири и в другие места с недостаточным населением. Этот процесс особенно усилился после строительства Транссибирской магистрали, в котором широко использовались артельные методы организации работ. В результате на громадных территориях азиатских и сибирских губерний началась планомерная работа по освоению новых земель, их орошению и благоустройству, возводились новые города и населённые пункты.

Общая перемена в общественном строе повлияла благотворно и на развитие городской жизни в России. Так, до крестьянской реформы в большинстве губерний продолжалось господство патриархальных отношений и превалировали натуральные формы ведения хозяйства. Однако в результате деятельности земств появилось много торгово-промышленных предприятий, контор и банков, более цивилизованными сделались товарно-рыночные отношения. В этой связи из административных пунктов города стали всё больше превращаться в центры народно-промышленного и культурного развития, образования и здравоохранения.

Деятельность земств теснейшим образом связана с историей благородного и самоотверженного труда сельской интеллигенции, находившейся на земской службе, прежде всего земских врачей, учителей и агрономов. Некоторые представители данной интеллигенции стали видными учёными и общественными деятелями. Многие служащие земств активно участвовали в работе таких общественных учреждений, как Вольное Экономическое общество, Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова и других объединений.

Особенно большое влияние приобрели земства во время 1-й мировой войны. На фронтах её очень скоро выяснилось, что снабжение армии правительственными учреждениями и частными предпринимателями поставлено отвратительно. В этой связи для решения этой важнейшей проблемы государства были образованы земские союзы: в июле 1914 года — Всероссийский, в августе — Городской, предназначенные для помощи правительству в организации снабжения армии, призрения раненых и беженцев. В результате правительство передало в их руки часть военных заказов и дело сразу же оживилось.

Причём помимо снабженческих функций земства занялись улучшением санитарного состояния и, благодаря своевременным принятым мерам, ни в армии, ни в тылу не было эпидемий. Земства создали знаменитые «летучки» — мобильные отряды, предназначенные для

максимально быстрой помощи раненым. Их отыскивали на полях сражений, перевязывали, устраивали временные лазареты. А при необходимости — перевозили в тыл и там размещали по госпиталям и больницам.

В 1915 году для лучшей организации и обеспечения войск оба Союза объединились в Главный комитет по снабжению армии и образовали Всероссийский земский и городской союз (ЗЕМГОР). Он взял на себя своевременную и качественную доставку в армию всего нужного, от провизии до снарядов и патронов, и во многом решил эту проблему. Но тут правительство в очередной раз испугалось такого резвого и сильного конкурента и пошло на попятный, оставив дело снабжения за своими учреждениями, а земству передало только посреднические функции [69].

Земства опирались на первичные комитеты, которые были низовыми ячейками общества, обеспечивающими его единство и прочность. Вследствие этого и всех его успехов они приобрели большое влияние на общество. И это неудивительно, поскольку работая на местах, в провинции, непосредственно с людьми, земцы более добросовестно и лучше других понимали имеющиеся недостатки и находили оптимальные способы их устранения. Поэтому земства постепенно становились центрами «кристаллизации» местной интеллигенции, активной, действующей, созидающей, и таким образом составили серьёзную либеральную оппозицию власти.

Они сыграли значительную роль в развитии русской деревни, внесли непосредственный вклад в становление гражданского общества, в построение честных и благородных отношений между людьми, общественностью и властью. А принимая во внимание, что **местное самоуправление и его порядки определяют всю повседневную жизнь граждан**, важность данных обстоятельств трудно переоценить. В этой связи можно утверждать, что эффективность земской организации самоуправления оказалась существенно более высокой, чем у традиционного административного управления.

Прекрасно понимая преимущества земств, правительство для ограничения их влияния на общество ввело специальные законодательные положения, установившие запрет на занятие ими политической деятельностью (всякие чиновники не терпят конкуренцию!). Тем не менее, это влияние на все аспекты жизни страны со временем только росло. В результате вокруг земств сгруппировалась наиболее энергичная, демократически настроенная молодёжь, интеллигенция. А принимая во внимание, что земства, в отличие от других органов местного управления, получали властную санкцию и требуемые им средства от выбравшего их населения, а не от царя или правительства, сущность их власти кардинальным образом отличалась от других управленческих структур на местах.

В этой связи земства начали постепенно принимать участие и в политической жизни страны. Так в 1871 году проводились первые нелегальные съезды земств, целью которых были консолидация сил, борьба за демократизацию общества. Для этого ими была создана нелегальная организация «Союз земцев-конституционалистов», которая начала вести работу по изменению общественного строя, принятию конституции (его руководители — Пётр и Павел Долгоруковы, Д. И. Шаховский и др.). В 1905 году союз объединился с «Союзом освобождения» и таким образом была создана Конституционно-демократическая партия (кадетов).

Казалось бы, чем не зародыши для построения коммунистического общества?! Однако часть идеологов-большевиков, захвативших власть в стране вооружённым путем и ослеплённых стремлением продолжить то же в общепланетарном масштабе, мало интересовалась благополучием собственной страны. Из-за этого они пренебрегли имеющимся опытом, предпочли опираться на силу образованного ими центрального административного аппарата, а не на самоорганизующиеся начала в обществе. А поэтому не могли примириться с существованием

других полюсов не зависящей от них силы, в связи с чем в 1918 — 1919 гг. земства, несмотря на весь их громадный созидательный потенциал, были ликвидированы.

— II —

В наше время для обслуживания населения организованы местные органы самоуправления в виде муниципальных образований (МО). Однако эффективность их оказалась значительно меньшей, чем была у земств. Поэтому важно проанализировать, чем существенным отличаются между собой данные формы самоорганизации общества, какие факторы способствуют их лучшей работе, а от каких следует отказаться?

Как и у земств, основными функциями МО является обеспечение комплексного социально-экономического развития территории, содержание социальной, культурной и инженерно-коммунальной её инфраструктуры, оказание безвозмездных услуг населению, охрана общественного порядка, обеспечение законности. А также местное нормотворчество, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, утверждение и исполнение местного бюджета, назначение и сбор местных налогов и сборов.

Сопоставим, как данные функции исполнялись земствами и как выполняются они существующими МО. При этом как в одних, так и в других органах местной представительной власти депутаты избираются самим населением. Но если в действующих органах избирателями являются все дееспособные жители территории, то в земствах — только их представители.

В этой связи все проблемы существующей всеобщей избирательной системы, в том числе запутанность избирательного законодательства, недостаточная информированность населения об истинных качествах кандидатов, низкая степень конкурентности, неравные условия ведения предвыборной агитации самовыдвиженцами и партиями, общественными движениями и организациями не могут не сказываться на качественном составе избираемого депутатского корпуса. Этому способствует также воздействие на этот процесс административного ресурса, отсутствие надёжных механизмов воспрепятствования фальсификаций, сложность отзыва не выполняющих должным образом свои обязанности депутатов и проч., и проч.

В земствах было не так, избиратели были прекрасно осведомлены о деловых и нравственных качествах кандидатов и поэтому выборы были не слепыми, а осознанными. И сами избиратели оказывались более грамотными, ответственными и мотивированными. То есть в земствах больший упор делался на качественный, в том числе морально-этический, состав избирателей, а не на количественный. А так как в большинстве случаев депутаты работали на общественных началах, материальной выгоды от своего избрания они не получали и поэтому служили обществу по зову сердца, для престижа, от души.

Для оперативного руководства деятельностью и в тех, и в других органах самоуправления из числа депутатов путём анализа деловых и нравственных качеств кандидатов выбирается председатель. А также назначаются члены постоянно действующих исполнительных структур, которые реализуют решения законодательных собраний. И хотя в их составе в обязательном порядке присутствуют представители местной администрации, в обоих случаях они не входят и не входили в систему органов государственной власти и не могут считаться государственными образованиями. Их гражданская правоспособность имеет целевой (ограниченный) характер, определяемый исключительно прикладными интересами жителей муниципальных или земских образований.

Таким образом, понятие «Муниципальное образование» в том виде, в котором оно существует в закреплённом Конституцией современном российском федеральном законодательстве, представляет собой компромисс между «административно — территориальной единицей», которая по сути своей является образованной «сверху» управленческой ячейкой, и понятием «общины», т.е. добровольным объединении граждан для управления своими делами. Но если в МО права администрации превалируют над правами граждан настолько, что от само-

управления в них мало что остаётся, то в земствах такое влияние было ограничено целесообразностью.

Источники финансирования земств и МО примерно одинаковы. Но формируются они по разным принципам и расходуются иначе. Так, если в земствах значительная часть налоговых поступлений устанавливается самими земскими собраниями и являются целевыми, то в МО они лимитируются законодательством РФ и к конкретным решаемым задачам не привязаны. То есть если население земских округов само определяло, на какие нужды требуются средства и в каком количестве, то в МО оно на это влияет слабо.

Как пример, если жители какого-либо населённого пункта были заинтересованы в строительстве моста через овраг, они обращались с требованием в избранное ими земство. И оно устанавливало нужные материальные, финансовые и трудовые затраты, организовывало сбор средств, привлекало специалистов и начинало строить мост, в том числе с участием самого населения. При существующем порядке люди платят государству налоги, некоторая часть которых возвращается для обслуживания самих налогоплательщиков. И если население обращается в МО с ходатайством о строительстве требуемого ему моста, тогда вопрос изучается, согласовывается, утверждается или отвергается. В случае положительного решения данное строительство включается в план, составляется смета расходов, пробивается финансирование и только после этого мост начинают проектировать и строить. Какой из данных способов строительства моста является для населения более простым, скорым, менее бюрократизированным, отвечающим его интересам, экономным и надёжным — очевидно.

Таким образом, если земства сами определяли очерёдность работ исходя из потребностей населения и того, сколько оно за это готово платить, то в МО они диктуются чиновниками. Отсюда если в земствах отсутствовал денежный дефицит на исполнение намеченных ими работ и они финансировались в полном объёме, то МО испытывают такой дефицит повсеместно. Если исполнители работ в земствах заинтересованы в экономии средств и в высоком качестве работ, то в МО связь между этими факторами ослаблена. В связи с чем возможны и воровство, и неэффективность денежного расходования, и низкое качество работ, а поэтому в обязательном порядке им требуется внешний контроль.

В результате финансы, которыми распоряжаются существующие органы местного самоуправления, трудно назвать бюджетом. Скорее это смета расходов на определённые нужды с передаваемыми под них доходными источниками или прямым государственным или региональным финансированием. В этой связи потребности населения, экологические и природоохранные проблемы, вопросы обустройства его жизни решались земствами более взвешенно и рачительно, чем осуществляются сейчас государственными структурами и их местными органами.

Из-за этого если административный и контрольный аппарат земств были небольшими и бюрократические процедуры в них оказывались минимальными, то в МО чиновничий аппарат размножается без всяких ограничений со стороны населения. Поэтому если в земствах чиновники зависят от людей, то в МО они оказываются правителями и подвластны только вышестоящим органам. В этой связи если законодательные положения земств были простыми и адаптированными под местные нужды, то в МО они призваны быть универсальными, а поэтому крайне сложны, запутаны и мало зависят от тех, для кого пишутся. Отсюда если демократические принципы исполнялись в земствах в полном объёме, то в МО они проявляются только во время выборов и не везде.

Более того, формируемые таким образом бюджеты МО утверждаются вышестоящими органами государственной власти, цели которых не всегда совпадают с задачами местных образований. Это естественным образом приводит к гротескному перераспределению средств в пользу проблем, решаемых органами государства и регионов в интересах собственной, а не

местной власти. Подобная схема бюджетного процесса порочна ещё и потому, что она полностью губит всякую инициативу на местах и, что самое главное, не позволяет грамотно организовать комплексное развитие территории и обустраивать ареал проживания её населения.

В целом можно отметить следующие недостатки существующих муниципальных образований:

- противоречивая нормативно — правовая база;
- несоответствие объёма полномочий органов местного самоуправления с имеющимся в их распоряжении материально-финансовым ресурсами;
- несбалансированность местных бюджетов;
- слабая собственная доходная база;
- безответственность должностных лиц местного самоуправления.

Кроме того, стремление региональных лидеров оказывать давление на муниципалитеты, не признавая их самостоятельность, способствует сохранению традиций централизованного управления и препятствует институциональному развитию местного самоуправления ^[70].

Очевидно, что в связи со всеми изложенными обстоятельствами эффективность МО не может быть высокой в принципе.

— III —

Вместе с тем практика организации местного самоуправления не нова и использовалась с древнейших времён до наших дней. Более того, именно местные органы власти заложили основу государственного и общественного устройства всех стран и народов. При этом под самоуправлением понимается право и способность местных сообществ контролировать значительную часть общественных дел, управлять ими в рамках закона под свою ответственность и на благо своего населения. Главная цель их — улучшать качество жизни местного сообщества и увеличивать его вклад в развитие всей страны. Согласно данному представлению, страны состоят из территориальных объединений, деятельность которых определяется интересами всего сообщества.

Имеется большое число работ, посвящённых особенностям местного самоуправления в разных странах. Так, М. Голдсмит и Г. Балдерсхайм ^[71] выделяют три основные его формы:

1. Североамериканская модель, при которой сфера деятельности муниципалитетов относительно узка и ограничена конкретностью исполняемых ими функций. Для таких организаций характерны полная автономия и отсутствие всякого контроля со стороны центральных органов власти. Они представляют собой специфическую форму объединения местных жителей, основанную на личной свободе каждого при делегировании ими некоторых прав коллегиальному органу для решения конкретных общественно значимых задач. Причём такие структуры могут работать как на постоянной, так и на временной основе, т.е. использоваться для решения каких-то краткосрочных проблем.

2. Южноевропейская модель (характерная, в частности, для Франции и Италии). В ней муниципальная активность граждан невелика, а имеющиеся блага и ценности распределяются на основе личных отношений (патронажа). Тем не менее, при такой модели наблюдается высокая степень участия населения в местных выборах с целью реализации каких-то собственных политических предпочтений во всём государстве. Причём практическое участие местных органов в улучшении жизни своего населения незначительно.

3. Скандинавская или североευропейская модель, действующая в Дании, Финляндии, Швеции и в Норвегии, а также в некоторой степени — в Великобритании. Муниципалитеты здесь активны и несут ответственность за решение широкого спектра задач, представляющих интересы граждан, а также оказывающих им различные услуги. И тем самым способствующих реализации идеи государства всеобщего благополучия.

При этом следует отметить, что наиболее широкие полномочия органов самоуправления в области бюджета предусмотрены в странах с федеративной системой организации власти

(США, Германия, Канада и др.), поскольку в основу построения их финансовой системы заложен бюджетный федерализм. Главными качествами самоуправления в них являются:

- стремление к самодостаточности всех территорий;
- самостоятельность в осуществлении бюджетных прав и бюджетного процесса (регулирование допускается только в отношении не самодостаточных территорий).

Особенность стран скандинавской системы заключается в том, что управление в них максимально децентрализовано. С этим связано фактическое отсутствие у государства исполнительских функций и оперативного управления в области здравоохранения, социального обеспечения, образования, регулирования труда и занятости, экологической обстановки и т. д. В этой связи большая часть ВВП этих стран потребляется их муниципальными образованиями. Так, в Швеции в 1988 г. она составляла 71.9%, в Дании — 68.7%, в Финляндии — 66.8% и в Норвегии — 61.9%. В них государство осуществляет только общее законодательное регулирование и обеспечивает значительную часть финансирования. Для сравнения, в Великобритании доля бюджета муниципалитетов в их ВВП составляла только 39.7%, в Италии — 34.3%, в Испании — 28.6%, в Бельгии — 21.4%, а в Португалии — всего 8.6% [72].

Таким образом, скандинавская система местного самоуправления отражает основные принципы их политических предпочтений, таких как демократичность, социальная ориентированность, децентрализация, обеспечение прав человека и др. Отсюда наиболее близкой к российским земствам оказалась именно данная модель самоуправления. В ней местная власть является более важной составляющей государственного управления, чем в других западноевропейских странах, вследствие чего их можно называть муниципальными государствами всеобщего благосостояния.

При этом каждая из стран скандинавской модели самоуправления обладает своей спецификой. Так, в **Дании** действует законодательно установленный принцип, согласно которому вся местная инфраструктура, услуги в здравоохранении, в получении гражданами среднего образования, в газо- и водоснабжении, в обеспечении транспортом, региональной культурой, спортом должны быть одинаковы для всех граждан на всей территории королевства. Финансовое обеспечение полномочий осуществляется за счёт классических источников. Причём основным налогом, общим для государства, округов и коммун, является подоходный, составляющий около 90% доходной части бюджета коммун и около 70% доходов округов.

В Дании органы местного самоуправления самостоятельно фиксируют ставку налога. К доходной части их бюджета добавляется также поземельный налог на основе устанавливаемой государством кадастровой стоимости и ограниченной налоговой «вилкой», в рамках которой муниципалитеты сами устанавливают ставку. Для координации экономической и финансово-промышленной политики государственные власти могут контролировать деятельность органов местного самоуправления и влиять на их решения. При этом полагается, что граждане платят достаточно высокие налоги, чтобы медицинское обслуживание и некоторые другие виды услуг для них были полностью бесплатными и не требовали никаких дополнительных расходов.

В **Швеции** местное самоуправление существует с 1862 г., когда был принят Закон о местных органах власти, с 1974 г. он закреплён в шведской Конституции. Основы современного регулирования муниципалитетов определяются Законом «О местном самоуправлении» от 1991 года. Он устанавливает обязанности муниципалитетов, а также описывает основные принципы работы местных органов власти, в том числе процесс избрания муниципального Совета. Сейчас Муниципалитеты в стране покрывают всю её территорию.

Особенностью местного самоуправления в Швеции является то, что в ней присутствует большое количество муниципальных партий, в связи с чем представительные органы местного самоуправления формируется на партийно-пропорциональной основе. При этом основная часть расходной части бюджетов покрывается доходами от муниципальных налогов. В связи с этим роль государства в системе финансового развития местного самоуправления ограничена и заключается в выравнивании бюджетной обеспеченности муниципальных образований за счёт так называемого отрицательного трансферта, который заключается в перераспределении средств муниципальных образований в пользу отстающих территорий и предоставления им государственных дотаций.

В соответствии с Законом, муниципалитеты несут ответственность за:

- уход за детьми и дошкольное образование, организацию и деятельность начальных и средних школ;
- социальное обслуживание слабо защищённых слоёв населения, уход за престарелыми, поддержка людей с ограниченными возможностями;
- здравоохранение и сбережение окружающей среды;
- содержание аварийных служб (не полиции, обеспечение которой входит в обязанности правительства!);
- градостроительство и санитария (в том числе утилизация отходов и сточных вод).

В дополнение к указанным, многие муниципалитеты оказывают такие услуги, как организация досуга для молодёжи и компенсация жилищно-коммунальных расходов. Работа муниципалитетов регулируется рядом правил. Например, муниципалитет не имеет права взимать за свои услуги большую плату, чем себестоимость этих услуг, все жители коммуны должны получать одинаковый набор преференций и т. п.

Финские коммуны предоставляют населению широкий спектр публичных услуг. К ним относятся: социальное обеспечение (ежедневный уход за детьми, уход по старости, инвалидности и бедности), здравоохранение (все клиники), образование (начальное, среднее и профессионально-техническое), защита окружающей среды в местном масштабе, а также инфраструктура (городское планирование, местные дороги и улицы, водопровод, канализация и т.д.). Многие муниципалитеты добровольно берут на себя дополнительные обязанности: осуществляют центральное отопление, снабжают электроэнергией, содержат общественный транспорт. Кроме того, в Финляндия получила развитие широкая сеть межмуниципальной кооперации по отдельным направлениям, таким как здравоохранение, образование и управление, что позволяет обеспечивать более полную согласованность работ их служб.

При этом эффективность организованной системы местного самоуправления Финляндии подтверждена высокими результатами в сфере социально-экономического развития. В частности, по сравнению с другими странами уровень подготовки школьников Финляндии лидирует по всем направлениям, поскольку она заимствовала систему советского образования.

И примерно те же основные качества местного самоуправления наблюдаются в **Норвегии**. Но кроме того, у неё имеется своя специфика. Норвежцам свойственно чувство равенства и в ней главная роль в экономике отводится не частным лицам, а государству. При этом норвежцы исходят из того, что природные ресурсы, нефть и газ, по добыче которых страна занимает третье место в мире — это не достояние отдельных лиц, компаний или ассоциаций, а собственность всего населения страны. Поэтому разведка и добыча нефти принадлежит государству, а с частных, иностранных компаний берутся огромные (до 80% дохода) отчисления. Получаемые таким образом средства идут на социальные программы и на Фонд Всеобщего Благоденствия, за счёт которых содержится государственный пенсионный фонд и финансируются социальные расходы.

В связи со всем этим в Норвегии нет коррупционеров, нуворишей и олигархов, скупающих замки и яхты по всему миру. И в то же время на личный счёт каждого норвежца поступают отчисления от нефте-газовых доходов, которые на сегодняшний день достигают для каждого жителя свыше €100 тыс. Кроме того, при рождении ребенка на него открывается персональный счёт в банке, куда поступает не менее €3 тыс. доходов от налога на прибыль, а действующее законодательство предписывает выплату «семейных надбавок» к зарплате работающих с учётом количества детей. При этом государство гарантирует всем гражданам, включая домохозяек, право на 4-х недельный оплачиваемый отпуск.

Но и это ещё не всё. Медучреждения в стране преимущественно государственные или муниципальные. Никаких особых больниц не существует, король лечится в той же палате, которую до него занимал обычный рабочий. Государственные субсидии обеспечивают высокий уровень медобслуживания (операции, лечение в больницах бесплатное). Кроме того, действует мощнейшая система поддержки старшего поколения (бесплатные сиделки, медики, дома престарелых). А средний размер пенсий составляет 2/3 от заработка.

Образование бесплатное при том, что в стране самый высокий в мире уровень затрат на учащихся. Кроме преподавания основных дисциплин школы формируют у них гуманистическое мировоззрение ненасилия, толерантности, любви к природе и трудолюбие. При этом норвежцы тщательно берегут природные богатства, следят за чистотой земли, воздуха и воды. Рабочий день у них длится всего 7.5 часов (с 8 до 15.30), а зарплаты слабо дифференцированы. Так, адвокат получает 400 тыс. крон в год, а уборщица — 220 тыс. крон (1 крона — 4.5 руб). Причём в Норвегии самый низкий процент безработицы — 1% и самые высокие пособия от 800 — 1500 евро в месяц (при полной оплате безработным жилищно-коммунальных услуг, связи, транспорта).

В результате всего этого Норвегия превратилась в одну из богатейших стран планеты, в которой ВВП на душу населения достигает \$40 тыс. Неслучайно поэтому ООН ставит Норвегию на первые места в мире по «человеческому развитию» [73].

И в других странах также накоплен успешный опыт работы местных органов самоуправления. Однако все они кажутся просто улучшенными советскими социальными обязательствами. Тем не менее, такого уровня прогрессивной самоорганизации общества, который был достигнут в русских земствах, до сих пор нигде осуществить не удалось. И это неслучайно, поскольку земства опирались на специфические особенности русской цивилизации, на её культурное наследие, коллективизм, на многовековой опыт и менталитет народа, которые недоступны западной цивилизации без кардинального изменения её идеологии.

В этой связи восстановление земского самоуправления в России в той или иной его форме позволит ей выйти из существующего социально-экономического и политического застоя. Но все эти вопросы требуют проведения дополнительного и скрупулёзного фундаментального анализа.

§1.2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ

1.2.1. Что есть экономика?

*...причина того, что одних богов уничтожают, а других —
превозносят и в те давние времена, и сегодня, не в религии, а в политике...*

В. И. Сергеев

— I —

Рассмотрим фундаментальные положения, лежащие в основе экономики как науки. Слово **экономика** произошло от греческого *oikonomike*, означающего «*искусство управления домашним хозяйством*». Впервые в научном труде оно появилось в V веке до н.э. у Ксенофонта в виде названия его сочинения. В нём описывались рациональные правила ведения домашнего хозяйства и земледелия, чтобы их доходность повышалась. В дальнейшем сферу экономики, как свода правил рационального управления, расширили, придав ей объемлющий всю хозяйственную жизнь характер. И тогда в её трактовке появились разночтения.

Так, Платон считал целью идеального государства «*изгнание неблагородной страсти к наживе*»^[12]. Аристотель отличал истинную экономическую деятельность, предназначенную для создания благ для дома и государства, от той, которая направлена на извлечение прибыли (её он называл хрематистикой)^[74]. При этом последнюю форму он считал противоестественной. Его особое негодование вызывал процент, благодаря которому ростовщик получает доход, не участвуя в процессе производства полезных продуктов, а превращая деньги в источник новых денег. Извращая, таким образом, их природу, поскольку, по мнению Аристотеля, деньги предназначены для обмена, а не для извлечения непроизводительного дохода.

Один из первых классиков-экономистов Ж. Б. Сей (1803 г.) утверждал, что экономика «...учит, как формируется, распределяется и потребляется богатство»^[75]. Часть современных учёных считает, что «экономика — это дисциплина, изучающая, каким образом общество с ограниченными, дефицитными ресурсами решает, что, как и для кого производить» (С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи^[76]). А в учебнике «Экономикс» сказано просто, что экономика — это «наука о том, как стать богатым» (К. Р. Макконелл и С. Л. Брю^[77]).

Наиболее полное определение экономики, на наш взгляд, даёт А. Маршалл, полагая, что «Экономика — это наука о нормальной жизнедеятельности человека»^[78]. Однако в указанной трактовке не уточняется, что под нормальной жизнедеятельностью понимается и чем она достигается. Поэтому попытаемся развить это понятие.

Политическая экономия, как научная дисциплина, систематизировано изучалась Г. Лейбницем (1672 — 1716 гг.)^[79]. Его концепция была основана на представлении о мире как о системе энерго-материальных потоков. Поэтому в основу своих воззрений на организацию хозяйства им были заложены принципы, реализуемые в тепловых машинах, а также некоторые другие современные ему технологические достижения. В соответствие с ними, он полагал, что уровень полезного действия хозяйственного процесса определяется экономией общих человеческих усилий при производстве благ. Отсюда Лейбниц ввёл понятие о «рыночной корзине», которая имеет одно и то же содержание, но должна достигаться меньшими усилиями общества.

Исходя из данного принципа, Г. Лейбницем была сформулирована главная цель экономики: повышать производительные возможности человеческого труда с помощью технических и организационных действий. Из неё следует разработанная им теория «естественного права», явившаяся основой для обоснования всеобщей морали. Согласно ей, отдельный человек отвечает не только за себя, но и за весь человеческий род, т.е. сформулированы как его права, так и

обязанности перед обществом. Рассмотрены начала гармоничной, самосогласованной хозяйственной организации людей и ещё многое другое.

И у него были свои последователи. Так, Ж. Сисмонди в политической экономии видел не учение о богатстве и способах его умножения, а науку о совершенствовании социального механизма в интересах человека. Он считал её нравственной наукой, которая имеет дело с человеческой природой, а не с хозяйственными отношениями. Точно так же Д. Риккардо исследовал экономическую деятельность как сложную систему, где действуют объективные законы и работают собственные механизмы как преобладающие тенденции ^[75]. Аналогичным образом один из первых русских экономистов И. Т. Посошков (1652 — 1729) изучал проблемы развития национального хозяйства, а не вопросы обеспечения активного торгового баланса. Источник благополучия он видел в труде и осуждал денежное богатство как символ корыстолюбия, противоречащий нравственным устоям общества ^[80].

В дальнейшем экономика, преследующая общественную пользу, а не доход, развивалась трудами С. Карно, С. А. Подолинского, Л. Ларуша, П. Г. Кузнецова и других выдающихся ученых. Однако сейчас это направление экономической мысли оказалось не востребованным.

Описываемое в настоящей монографии экономическое учение продолжает традиции указанной школы. В нём экономика представляет собой единую самосогласованную систему. Комплекс, сформированный по гармоничным принципам, не противоречащим законам Вселенной, связанным воедино строгой и последовательной логикой. Целью которого является достижение материального и духовного благополучия как отдельных людей, так и всего общества в целом, сокращение издержек производства, а не увеличение дохода. Полагается, что **именно данные принципы должны быть заложены в Гармоничную экономику как предшественницу Коммунизма.**

Теории Г. Лейбница была противопоставлена модель человеческого сообщества, разработанная Дж. Локком (1632 — 1704 гг.) ^[81]. Согласно ей, государство должно быть построено на началах личной свободы: «*Никто не имеет права ограничивать другого в его жизни, здравье, свободе, либо имуществе*» — провозглашалось им. С именем Локка связана идея собственности, как неотъемлемой составляющей всякого хозяйственного процесса. При этом он считал, что человек представляет собой «чистую доску», «свободный атом» на которого лишь опыт накладывает свои письмена, а поведение каждого мотивировано исключительно личными выгодами. Общественные инстинкты у людей не развиты, мораль в хозяйственной деятельности не задействована. Таким образом, **Дж. Локк явился основоположником идеологии классического либерализма.**

Исходя из неё, суть теоретических положений данного учения сводится к тому, что либералы признают и подчеркивают обусловленность индивидуальной свободы, частной собственности и степени экономической обеспеченности общества. А следуемый из неё индивидуализм, который заложен в основу европейской цивилизации, считается не себялюбием и циничным отношением к другим людям, а уважением личности, абсолютным правом каждого человека реализовать себя в этом мире. Вне зависимости от того, как при этом соблюдаются права других людей.

Воплощение либеральных идей в повседневную хозяйственную практику связано с именем Адама Смита (1723 — 1790). В своём фундаментальном труде ^[23] он предложил концепцию экономического человека, которым движет эгоизм и стремление к обогащению. И утверждал, что действуя исключительно в собственных корыстных целях, каждый человек не только преумножает свой капитал, но и обогащает всё общество. Опираясь на это положение, А. Смит предложил знаменитую «невидимую руку рынка», которая сама по себе управляет всеми хозяй-

ственными процессами. Он рассматривал деньги как средство обогащения и как технический инструмент, облегчающий товарообмен.

Вместе с тем границы применимости либеральной доктрины не были им сформулированы, а поэтому экономика не препятствовала достижению свободы одних путём ограничения свободы других. Позволяла отдельным личностям получать доход, и при этом ни за что не отвечать. Не запрещала жить за счёт окружающих вне зависимости от того, какой ущерб этим наносится Природе и обществу. Внедряла в экономику соответствующую западной ментальности дарвиновскую борьбу за существование, в которой оправдано всё, что приносит личный успех. Разъединила между собой функции производства и распределения. **И сформировало, таким образом, идеологическую базу капитализма.**

Именно данное мировоззрение и реализуется ныне в мировой капиталистической системе. Оно заложено в основу всех ныне действующих экономических учений. Является предметом изучения и реализации всей современной экономической науки и практики, всемерно обеспечено юридической базой. Подкреплено опытом истории развития человечества. И предоставляет либеральной экономике моральное основание обслуживать не всё население в целом, а преимущественно некоторых частных лиц. Привело к тому, что экономисты стали считать такую организацию единственно возможной, а поэтому пытаются бороться с многочисленными недостатками либеральной экономики либеральными же методами. Находятся под властью рудиментов доходной экономики, поскольку другими инструментами не владеют.

Логичным итогом этого явилось стремление управлять рассматриваемой таким образом аморфной человеческой массой с помощью такого универсального инструмента, как деньги. Поэтому все ныне действующие и существовавшие ранее авторитетные экономические учения в той или иной мере посвящены финансовым инструментам и механизмам извлечения дохода в различных его формах. То есть *«Экономика в основном заинтересована исследованием способов определения цен в деньгах на товары и услуги, обмениваемые на рынке»* (Людвиг фон Мизес^[82]). Из-за этого экономическая наука стала в большей мере обслуживать бизнес, чем всё общество, радеть о доходах и прибылях, а не о всеобщем благополучии. Сделало алчность — проклятие человечества, основным инструментом управление им. При этом разработке продуктивных факторов труда до сих пор уделяется мало внимания.

Вследствие этого современное состояние экономических знаний является неполным, внутренне противоречивым, неустойчивым. Их понятия не выдерживают серьёзной критики, оторваны от действительности, не объединены единой логикой. Главенствующую роль в них заняли теоретические мудрствования о принципах ценообразования, о доходах и расходах, о проценте и инфляции, спросе и предложении, ренте и предпочтениях. О клиринге и маркетинге, консалтинге и менеджменте, курсе валют и проч., а не о повышении продуктивности труда, совершенствовании его организации. Не о создании условий для достойной жизни человека и его культурного развития. Из-за этого вся экономика пронизана миазмами стяжательства.

Отсюда столь широка палитра экономических учений, стремящихся внести в это царство хаоса хоть какой-то внятный порядок. Здесь монетаризм и кейнсианство, меркантилизм, плановость и полная анархия, консерватизм и наивный романтизм. И каждое из них в чём-то противоречит другим. Так, если согласно принципам Меркантилизма государству рекомендуется копить деньги, то Физиократов — интенсивно их расходовать. В Металлической теории деньги рассматриваются как показатели богатства нации, а в Номиналистической они считаются условными знаками и т. д.

Следуемая из этого зашоренность экономической науки лишила её основательности, в значительной степени оторвала от действительности. Сделала разнонаправленными цели различных социальных слоёв общества, что уже само является регрессом. Как пример, покупка

иностранных товаров некоторым нередко приносит дополнительный доход, но ведёт к подавлению отечественных производителей, к не востребовавности собственного населения. К тому, что экономика уже не обязана обслуживать своих граждан, а призвана только предоставлять некоторым инструменты личного обогащения. То есть ведёт к тому, что дополнительная прибыль одних начинает извлекаться за счёт неблагополучия других. И это — объективное противоречие, требующее разрешения.

В такой экономике активно используется разделение труда, но слабо — его кооперация. Конкуренция приобрела доминирующее значение, а объединяющие людей факторы уже не вписываются в неё органически. Исполнение предприятиями общественных функций оказалось нивелированным. Экономически оправданной стала всякая деятельность, приносящая доход, в том числе преступная. Что и явилось основной причиной криминальности всех нынешних государств мира, пожирающей их коррупции и разрушительной вседозволенности.

И это вполне объяснимо. В самом деле, главный акцент в экономике может делаться либо на созидательные её начала, т. е. на человеческий труд, либо на распределительные, инструментами которых выступают деньги. Очевидно, что если стимулируется результативность труда, тогда его продуктивность, благополучие людей и жизненный уровень населения растут. А если поощряется доходность владельцев денежных знаков, увеличение ренты и прибыли, тогда растёт число богатых, но население нищает и вымирает.

Чтобы страна стала успешной, ей следует поддерживать созидание, а не потребление; создавать условия для производящих реальные ценности, а не виртуальные. Экономическая наука призвана способствовать тому, чтобы было выгодно работать честно, а наносить ущерб — накладно. И тогда нравственный и моральный климат в обществе поменяется кардинально, порядок и польза начнут править им, а не хаос и зло. Она должна учить тому, как оздоравливать продуктивные и нравственные механизмы общества, а не подобно дурным врачам, как пользоваться его болезнями в корыстных целях. Способствовать превращению людей из нечестных в порядочных, а не наоборот. *«У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создаёт наибольшее богатство. ... Исследуется всегда вопрос: какая форма собственности обеспечивает государству наилучших граждан?»* (К. Маркс^[83]).

В этой связи капиталистическая модель хозяйствования всё больше заводит человечество в тупик. В ней не экономика предназначена для людей, а люди — для экономики. Она рассчитана на энергичных, корыстных и безжалостных, поэтому в ней, в первую очередь, создаются условия для благоденствия именно таких людей. А все другие — лишь питательная среда для первых.

В то же время природа создала людей разными не для того, чтобы одни из них паразитировали на других. На самом деле неодинаковые качества людей требуются потому, чтобы их совокупная способность к выживанию, адаптации к любым сценариям развития общества и познания мира была выше, чем у каждого из них в отдельности. Отсюда упор в экономике только на один тип людей с неизбежностью её обедняет, делает нежизнестойкой и ущербной.

Карл Маркс считал экономику наукой, изучающей *«исторически определённые формы производства и обмена, и общественные отношения, им соответствующие»*. В этой связи в СССР, который реализовывал данную трактовку, под экономикой понималась область знаний, занимающаяся изучением объективных законов общественного развития, разработкой практических рекомендаций в области производства и распределения материальных благ. Такая экономика в большей мере обслуживала общество, чем отдельного человека. В ней основное внимание уделялось специфике классовой борьбы, а не классовому сотрудничеству, делался акцент на использование кооперации, а не конкуренции.

Управление в такой системе оказалось сверхцентрализованным, в результате власть управляющей элиты стала вседавлеющей. Трудящиеся превратились в винтики производства, опекаемые (социальная защита в СССР до сих пор не имеет себе равных), но бесправные. И эта дисгармония, в конечном итоге, предопределила состоявшийся крах социалистической экономики.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что ни капиталистическая, ни социалистическая модели хозяйствования не являются совершенными. В них не согласованы разделение и кооперация труда, личное и общественное, не работают совместно активные и пассивные силы общества. А поэтому хозяйственные успехи как капиталистических, так и социалистических стран оказались более скромными, чем могли бы быть они при современном развитии науки, техники и человеческого интеллекта.

— II —

Для гармонизации данного явления, требуемой для построения Коммунизма, будем полагать, что экономика — это наука, изучающая механизмы повышения результативности общечеловеческого труда, способствующая лучшему жизнеобеспечению граждан. И не только нынешнего поколения, но и всех последующих. Она призвана содействовать вхождению человека в Природную экосистему, соответствовать её законам, повышать моральный и культурный уровень людей. Укреплять нравственные устои общества, а не наоборот. Способствовать скоординированному развитию всего человеческого сообщества. Человек в ней рассматривается как часть Вселенной, исполняющая предназначенные ей функции, а не как ординарный потребитель, преследующий только свои личные цели или являющийся жертвой чужого посягательства.

Описанию основных законов и форм такой организации и посвящена настоящая монография.

Понятно, что это уже будет другая экономика. А поэтому ни капиталистическая, ни социалистическая теории в полной мере для неё не годятся. Не перетягивание общественного одеяла в ту или иную сторону, как в ныне действующих хозяйственных отношениях, а увеличение его настолько, чтобы хватило всем, должно стать главной целью экономической науки.

Гармонизация экономических отношений будет способствовать очеловечиванию общества, начнёт делать его и сильнее, и добрее, и духовнее. Она приведёт к высвобождению колоссальной человеческой энергии, которая будет направлена на созидание, а не на борьбу за выживание. На благополучие всех, а не только некоторых. На нормальную жизнь, а не на элементарное существование. А поэтому экономическую модель, отвечающую изложенным принципам, будем в дальнейшем называть Гармоничной. То есть самосогласованной, стройной, непротиворечивой, в которой образуется соразмерность частей и целого, слияние их в единый организм, противоположный хаосу.

В гармоничной экономике будет использоваться как разделение, так и кооперация труда, исполняться и индивидуальные, и общественные функции производства, найдётся место и сильным, и слабым. Деньги в ней станут покорными слугами людей, а не капризными их хозяевами. Налоги из механизмов отчуждения доходов превратятся в инструменты их умножения.

Такая экономика окажется полезной как для предпринимателей, так и для наёмных работников. В ней правила поведения будут способствовать эквивалентности обмена результатами труда, справедливости и гармонизации человеческих отношений, а не противодействовать им. Смогут функционировать все виды собственности, доказывая свою полезность путём равноправной конкуренции. То есть не отвергается никакой из факторов, способных приносить пользу, но организуется их гармоничное взаимодействие. Произойдёт именно то, что характерно для Природы, в которой рационально уживается всё.

Если целью экономики служит достижение благополучия некоторых особей любой ценой, тогда ничего лучшего капитализма придумать невозможно. Если требуется, также любой ценой, увеличить могущество государства, тогда наилучшей является социалистическая модель. А если стремиться к процветанию всего общества и каждого его гражданина, тогда ни первая, ни вторая модели для этого не годятся. Нужна принципиально иная экономическая идеология. И понятно, что разные экономики не могут формироваться по одинаковым лекалам, иметь одни и те же правовые нормы и идеологию. Именно такая экономика заложит фундамент организационных, материальных и морально-нравственных условий для построения Коммунизма, она сделает его не только реальным, но и неотвратимым.

При этом следует принимать во внимание, что экономика — это не наука о благополучии той или иной личности в процессе её хозяйственной деятельности, не Иванова или Сидорова. А инструмент изучения закономерностей поведения больших масс людей, народов, государств и всего человечества, и это делает возможным прогнозировать их поведение. Как в молекулярной физике, в которой расположение даже трех молекул воздуха уже через микросекунду установить невозможно, но состояние больших масс газа оценивается с большой точностью.

1.2.2. Кардинальная цель гармоничной экономики

Итак, в дальнейшем будем полагать, что экономика как наука призвана способствовать вхождению человека в Природную экосистему, соответствовать её законам, содействовать повышению продуктивности общечеловеческого труда, согласованному развитию человеческого сообщества. В этой связи в качестве образца для подражания следует использовать не организацию США, Японии, Швеции или какого-либо другого государства, как пытаются делать сейчас, а Природу. Очевидно, что ни одна из перечисленных стран не является идеальной, и лучше пользоваться совершенным природным эталоном, чем любыми суррогатными. Это не значит, разумеется, что надо игнорировать чужой опыт, но пользоваться им следует избирательно, рассматривая его в координатной системе природных закономерностей.

Как сформулировать её цель, чтобы экономика на самом деле отвечала указанному принципу?

При изучении фундаментальных законов хозяйственной организации общества здесь и далее будем полагать, что **целью экономики**, как и всякой продуктивной деятельности, **служит удовлетворение потребностей людей и всего человеческого сообщества** [2]. То есть не извлечение прибыли, дохода или денег любым путём, как следует из ныне существующих экономических воззрений, а выработка способов наилучшего жизнеобеспечения граждан. Что люди призваны делать дело, а не деньги. Разумеется, доход в хозяйственной деятельности может присутствовать и здесь, но он не должен быть доминантой, извлекаться за счёт благополучия других. Умножением результативности совместного труда, а не путём ординарного перераспределения его итогов.

Причём здесь принимаются во внимание не только повседневные, но и перспективные потребности, и не только ныне живущего поколения, но и всех последующих. И достижение всего этого — главное предназначение экономики. Все другие её цели должны быть подчинены этой, без неё они лишены смысла. Экономика призвана служить всем людям, а не какой-то их части.

Таким образом, экономика функционирует не ради самого процесса производства, создания каких-то сооружений, ценностей, получения прибыли, денег, служения идеологии или идолам, а для удовлетворения потребностей людей. Всех без исключения: богатых и бедных, белых, жёлтых и чёрных, молодых и старых, умных и глупых, сильных и слабых, здоровых и не очень. Если Бог создал их, значит они нужны, и не человеку Его поправлять. Экономика

призвана работать на людей, а не люди — служить ей. Поэтому несомненно, что **критерием совершенства экономики является лишь то, насколько полно она указанную функцию исполняет (!).**

Несмотря на очевидность такого подхода, в трактовке основной цели хозяйственной политики стран допускаются разные толкования. Так, сформулированной целью экономики социалистического типа являлось всемерное укрепление государства, построение материально-технической базы коммунизма: *«Наша цель — коммунизм!»* — самый популярный в СССР лозунг. Однако немалая часть строек коммунизма не окупилась, чрезмерное внимание к общественным потребностям вызвало недооценку потребностей личных, сверхцентрализация управления привела к его деградации. И всё это, в конечном итоге, предопределило недостаточную эффективность социалистического хозяйства.

Главной целью капиталистической экономики является получение прибыли, увеличение дохода при всякой деятельности вне зависимости от того, во что он обходится Природе и обществу. При этом *«...рабочие ^...^ являются в капиталистическом производстве только средствами производства, а не самоцелью и не целью производства»* (К. Маркс ^[84]). В результате человеческий труд и сам человек, хотя именно он и является истинной движущей силой экономики, перестал быть основным объектом её обслуживания.

В самом деле, нынешняя экономика стала использоваться преимущественно для получения денег, а не для обеспечения людей средствами существования. Главенствующим в ней стал бизнес, т.е. легальный способ извлечения личного дохода, а не предпринимательство, при котором собственное благополучие достигается путём полезной деятельности, а не за счёт других людей.

В то же время стремление делать упор на прибыль, доход любой ценой в каждой структуре ведёт к тому, что экономикой начинают управлять деньги и только деньги. Это ставит в привилегированное положение овеществлённый труд по сравнению с живым. Способствует понижению престижа и доходности наёмного труда, ведёт к росту эксплуатации населения властвующей «элитой». К появлению социального неравенства, содействует криминализации общества и связанными со всем этим колоссальными потерями. Стимулирует не созидательные процессы, а потребительные. А поэтому такие государства с неизбежностью оказываются малоэффективными.

В авторитарных обществах целью деятельности государственных институтов является прославление властвующих личностей. Вспомним знаменитое высказывание короля Франции Людовика XIV: *«Государство — это Я!»*. В странах с националистической идеологией приоритетным является благополучие одних народов за счёт других. В государствах с большим социальным неравенством бедные слои вымирают, а их место замещают те, кто ранее считался сравнительно успешным. Вместе с тем указанные отклонения от выше сформулированных целей в конечном итоге не приносят пользы никому, но ведут к деградации всех.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что ни одна из декларируемых целей нынешних экономических систем не соответствует фундаментальным принципам ни в идеологии своей, ни на практике. А от замещения истинной цели промежуточными итогами, в том числе деньгами, ждать добра не приходится.

Экономическая идеология призвана способствовать тому, чтобы работать честно было выгодно, а не наоборот. Только тогда нравственный и моральный климат начнёт меняться кардинально, порядок и польза будут править обществом, а не хаос и стяжательство. Она должна настраивать людей на оздоровление продуктивных и нравственных устоев общества, а не на то, как пользоваться его болезнями в корыстных целях.

1.2.3. Потребности людей, предметы потребления и средства производства

*Молоко для младенцев, мясо — для сильных людей.
Апостол Павел*

— I —

Приведённая трактовка главной цели экономической деятельности является неполной, поскольку в ней не указано, что конкретно представляют собой потребности, каковы они, от чего зависят и чем удовлетворяются?

Под **потребностями** здесь и далее понимается **внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности каких-то факторов, которые проявляются в зависимости от ситуации**. При этом потребности могут быть не только у отдельных людей, но также у целых коллективов и всего общества. Они служат внутренними побудителями их активности.

В самом деле, потребности являются главной движущей силой человека, ради удовлетворения них он трудится, они им управляют. По своему воплощению потребности делятся на витальные (жизненные), духовные и социальные. При этом первые из них связаны с требованиями организма человека в пище, одежде, жилье, в движении, отдыхе, в здоровье, к обеспечению и сохранению близких и т. п.

Духовные потребности людей включают в себя стремление к личной свободе, к знаниям, к удовлетворению интеллектуальных запросов, эстетических вкусов и гармонии, красоте, культуре, нравственности, к состраданию и добру. К ним относятся: любовь и ненависть, страсти, степень удовлетворённости потребностей. Важнейшую роль в жизни человека играет продолжение рода, общение с другими людьми, дружба, соревновательность. К духовным потребностям также можно отнести факторы психологического комфорта: уверенность в себе, престиж, стремление реализовать себя, самоуважение, авторитет и др.

Социальные потребности людей включают в себя безопасность, достоинство, спокойствие за себя и за своих близких, уверенность в будущем. Жизнь в окружении здоровых, счастливых, доброжелательных, красивых и уверенных в себе людей. Наличие высокодуховной культуры, морали и нравственности. К особым видам потребностей относится необходимость трудовой деятельности, умственной и физической работы, творчества, создания новых знаний и ценностей.

Приведённые градации, разумеется, являются условными и не охватывают всей гаммы человеческих потребностей, не устанавливают чёткие границы между ними.

Потребности зависят от индивидуальных особенностей людей и от условий их бытия, пола и возраста, культуры и образования, здоровья, исторического опыта, традиций, религии и национальных вкусов. При этом потребности не остаются чем-то неизменными. С годами они воспитываются, развиваются, мимикрируют. На потребности влияют окружающие люди, природные и погодные условия, время года и место проживания людей, уровень развития производства, степень их удовлетворённости. Так, чем больше человек имеет, тем большего ему хочется. И вместе с тем нет двух людей, потребности которых были бы идентичными.

Причём индивидуальное восприятие людьми каждой потребности неодинаково, что для одних составляет смысл жизни, для других не имеет значения. Так, лишите меломана музыки, и уже ничто не сможет ему её заменить. «*Подавление индивидуального вполне может стать подавлением Бога в человеке*» (Шри Ауробиндо ^[55]). Отсюда необходимо уважительно относиться ко всей гамме человеческих потребностей. Очевидно, что при удовлетворении потреб-

ностей только среднестатистического человека, к чему стремились при плановой форме хозяйствования и что работает в нынешней рыночной экономике, в достаточной мере не будет удовлетворён никто.

С другой стороны, потребности нельзя рассматривать как произвольный набор каких-то факторов. На самом деле они образуют взаимосвязанный комплекс, систему, зеркально отображающую самого человека. Более того, одни потребности не существуют без других. Так, тяга к роскоши не может проявляться без удовлетворения чувства голода, модная шляпка требует не менее престижного платья. С другой стороны, степень взаимосвязи и взаимозаменяемости различных потребностей неодинакова и не влияет на их значимость. Длительная неудовлетворённость каких-то потребностей способна нарушить внутреннюю ауру человека, изуродовать его.

Вместе с тем не все потребности могут приветствоваться. Так, тяга к власти и корыстные амбиции одних нередко оборачивается потерей свободы и бедностью других. В общественном смысле лишь такие потребности достойны уважения, которые не удовлетворяются путём нарушения морально-этических норм, подавления прав других людей, общества, за счёт потомков. Именно о них и пойдёт здесь речь. Остальными потребностями должны заниматься воспитательные, психиатрические учреждения или правоохранительные органы. Невозможность их проявления должна быть заложена в основу организации экономики и государства.

Как представителю человеческого рода, каждому индивидууму присущи некоторые одинаковые с другими людьми, коллективами и всем обществом потребности. В самом деле, все нормальные люди заинтересованы не только в своём личном благополучии, но и в чистоте, обустроенности территории проживания, в отсутствии преступности, в наличии грамотного и честного руководства, в сильном государстве, в законности и порядке. Поэтому можно выделить три вида человеческих потребностей: **личные, коллективные и общественные**. При этом **если интересы человека, коллектива и общества согласуются между собой, находятся в гармоничном соответствии, тогда они удовлетворяются наилучшим образом**. И чем полнее соблюдается указанный принцип, тем выше уровень цивилизованности общества, с большим основанием может называться оно человеческим. Именно данный фактор призван обеспечивать коммунистическое отношение людей друг к другу.

— II —

С другой стороны, потребности проявляются не абстрактно, а в виде необходимости каких-то условий, вещей и услуг. Поэтому всё то, что удовлетворяет потребности, что необходимо людям для их достойной жизни, поддерживает и восстанавливает здоровье, повышает жизненный тонус, способствует сохранению и продолжению человеческого рода относится к **предметам потребления**. Это — вода и пища, одежда и жильё, медицинская помощь и спортивные сооружения, духовные богатства и экологически чистая природа. Ими являются блага и услуги, которые предоставляются людям в учреждениях сферы обслуживания, а также в отраслях, удовлетворяющих общественные потребности (управление, наука, образование, здравоохранение, оборона).

К предметам потребления относится и сам человеческий труд, поскольку, с одной стороны, он удовлетворяет потребности людей в реализации своих способностей, а с другой — является движущей силой производства. Впрочем, такими качествами обладают и все другие предметы потребления. Поэтому чем полнее удовлетворяют они человеческие потребности, тем продуктивнее оказывается труд людей. Многие из предметов потребления человек получает от Природы без особых усилий, недостающие создает сам. Они и будут в основном рассматриваться в дальнейшем.

Как правило, потребности опережают совокупность удовлетворяющих их предметов потребления, создавая, таким образом, стимул для деятельности и развития людей, становясь инструментами управления ими. При этом существует оптимальное соотношение между

потребностями и числом удовлетворяющих их предметов потребления. Если это соотношение выше оптимального, т.е. почти все потребности удовлетворены, это понижает стремление трудиться, тормозит развитие. А если данное соотношение ниже оптимального, тогда потребности угасают и люди деградируют. В государствах с большим имущественным неравенством граждан присутствуют как одна из указанных тенденций, так и другая. И ни к чему хорошему это не приводит.

Вместе с тем, если в государстве превалирует стремление удовлетворять потребности не за счёт труда и таланта, т.е. увеличения продуктивных усилий общества, а присвоением созданного другими, такое положение неизменно ведёт к разрушению и производства, и нравственности. Вне зависимости от того, направляется оно сверху или снизу, это способствует деградации и государства, и общества. Такое уже было и достаточно ярко во всём мире проявляется сейчас.

Для гармоничной экономики наиболее важным представляется деление предметов потребления на **индивидуальные, коллективные и общественные**, поскольку они удовлетворяются разными способами. При этом к индивидуальным относятся такие предметы потребления, которыми человек и члены его семьи пользуются вне связи с другими людьми: жильё, одежда, пища, предметы быта, культуры и проч. Коллективными предметами потребления человек пользуется совместно с окружающими его людьми в местах проживания, работы, отдыха. Это — медицина и полиция, коммунальные службы и общественный транспорт, культурные, культовые и спортивные сооружения, местные дороги, связь и ещё многое другое. К общественным предметам потребления относятся государственные структуры и армия, высшие учебные заведения и коммуникации, защитные сооружения и безопасность, учреждения науки, культуры и образования. То есть всё то, что удовлетворяет потребности всех людей, составляющих государство и общество.

Такое деление позволяет распределению более активно влиять на производство, а расходам — на доходы. В самом деле, все предметы потребления обладают дуализмом качеств. С одной стороны, они удовлетворяют потребности людей, а с другой — содействуют производству. Коллективными и общественными предметами потребления человек пользуется не так, как индивидуальными, и зависит он от них иначе. Поэтому для всякого вида предметов потребления могут быть выработаны свои формы распределения, в наибольшей мере стимулирующие производство, способствующие улучшению жизни, быта и нравственности людей.

— III —

Вместе с тем предметы потребления изготавливаются в процессе производства. Но самому производству для его полноценной работы нужны продукты труда, предназначенные для удовлетворения его собственных потребностей. Это — орудия труда и промышленные сооружения, грузовой транспорт и коммуникации, энергия, ремонтная база, производственная связь и ещё многое, многое другое. То есть овеществлённый труд, **средства производства** необходимы предприятиям точно так же, как предметы потребления — людям. Они являются как бы катализатором, который делает живой труд человека более результативным.

Строго говоря, деление продуктов труда на предметы потребления и средства производства является условным, поскольку обеспечение человека предметами потребления способствуют его производительному труду. А средства производства удовлетворяют естественные потребности людей в труде и в развитии, влияют на их умственное, физическое и моральное состояние. Более того, чем больше потребительских качеств у средств производства, выше их эргономические характеристики, совершеннее дизайн, тем с большим эффектом они работают. Данное обстоятельство служит дополнительным подтверждением единства Мира и всей окружающей человека действительности.

Тем не менее, предметы потребления и средства производства не являются равнозначными. В самом деле, **целью производства служат только предметы потребления**. Производство средств производства необходимо лишь в той мере, в которой оно экономит общественный труд, содействует производству предметов потребления (!). Если этого не происходит, тогда оно становится избыточным расходом труда, ресурсов, причиняет ущерб обществу. И такое случается нередко, как при социализме, так и в нынешних капиталистических странах из-за стремления оптимизировать денежные потоки, а не расходование человеческого труда.

В частности, именно такому состоянию производства способствовало активное использование в СССР сформулированного К. Марксом и развитого В. Лениным «Закона опережающего роста производства средств производства». Ограничители его не были сформулированы, поэтому темпы роста группы **А** (производство средств производства) оказались в СССР почти в 8 раз более высокими, чем у группы **В** (производство предметов потребления). В результате активно росла индустрия, но не жизненный уровень населения.

С другой стороны, чем больше изготавливается средств производства, тем больше требуется ресурсов для их обслуживания, воспроизводства, поддержания в рабочем состоянии. Значительнее затраты общественного труда на их обеспечение и ремонт. А значит меньшим оказывается стимулируемое ими производство предметов потребления. Аналогичным образом, не всегда чем большими являются инвестиции, тем быстрее развивается реальная экономика.

В этой связи отсутствие истинных рыночных регуляторов и общественных критериев, позволяющих объективно оценивать эффективность производства как целого, постоянно подводит общество к грани, начиная с которой производство перестаёт служить людям, а становится их эксплуататором. И то же самое происходит, когда в экономике проявляется стремление повышать эффективность расходования денег, как при капитализме, а не совершенствовать производство, поскольку это — далеко не одно и то же.

На самом деле производство средств производства является промежуточным этапом на пути создания предметов потребления. Аналогична роль полуфабрикатов и других продуктов незавершённого производства. Уточнение роли средств производства и предметов потребления позволяет устанавливать оптимальные соотношения между ними, предлагать качественно новые критерии и пути совершенствования экономики, чем используемый в настоящее время принцип максимизации прибыли при капитализме или план — при социализме.

§1.3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ФАКТОРЫ, ЕЁ ФОРМИРУЮЩИЕ

Настанет время, когда наши потомки будут удивляться, что мы не знали таких очевидных вещей
Луций Сенека

1.3.1. Структуры современной экономики

— I —

От выбора экономической модели, т.е. от того, используется она для получения дохода или для жизнеобеспечения граждан, зависит многое. Фактически — всё. Иначе говоря, направлена экономика на то, чтобы было больше миллионеров или чтобы стало меньше бедных. И принимая ту или иную концепцию хозяйствования, человечество фактически превращается в её заложника. «Выбирая Бога, мы выбираем судьбу» (Публий Вергилий Марон). Как с трам-

ваем. Человек волен в своём выборе, когда садится в него, а после этого перемещается в соответствии с трамвайным маршрутом. Вне зависимости от того, чего он хочет или что думает по этому поводу.

В самом деле, в случае доходного приоритета экономика выступает как охотничьи угодья, в которой все жаждут добычи и удачи. Интерес представляют те сферы хозяйства, в которых получается большая прибыль (т.е. где больше водится зверей, располагается природных богатств, дешевле наёмный труд и проч.). При этом отдельные участники хозяйственного процесса используют для этого разные инструменты: одни — производство, другие — финансы, третьи — собственность, четвёртые — обман, грабёж или идеологию. Но по большому счёту они мало различаются между собой. В случае продуктивного приоритета экономика становится фабрикой для производства полезных вещей. И отличия между ними кардинальные.

Если приоритетным является доход, тогда возникает требование суверенитета личности, а если общественная польза — государственное регулирование. При этом первое направлено на распределение предметов потребления, а второе — на их умножение. В первой ценятся активные, ловкие и везучие, а во второй — кто создаёт полезные продукты, является более работоспособным, нравственным и профессиональным. И таким образом каждая из экономик осуществляет селекцию людей по их качествам, а благополучие в них достигается лишь теми, кто соответствует её стандартам. Поэтому структуры соответствующих экономик принципиально различаются между собой.

Для анализа данного обстоятельства рассмотрим общий характер взаимодействия человека с Природой в процессе его хозяйственной деятельности, когда она направлена не на умножение дохода, а на лучшее жизнеобеспечение граждан. Кстати, в доходной экономике данная иерархия выглядит иначе и этим отображается её специфика.

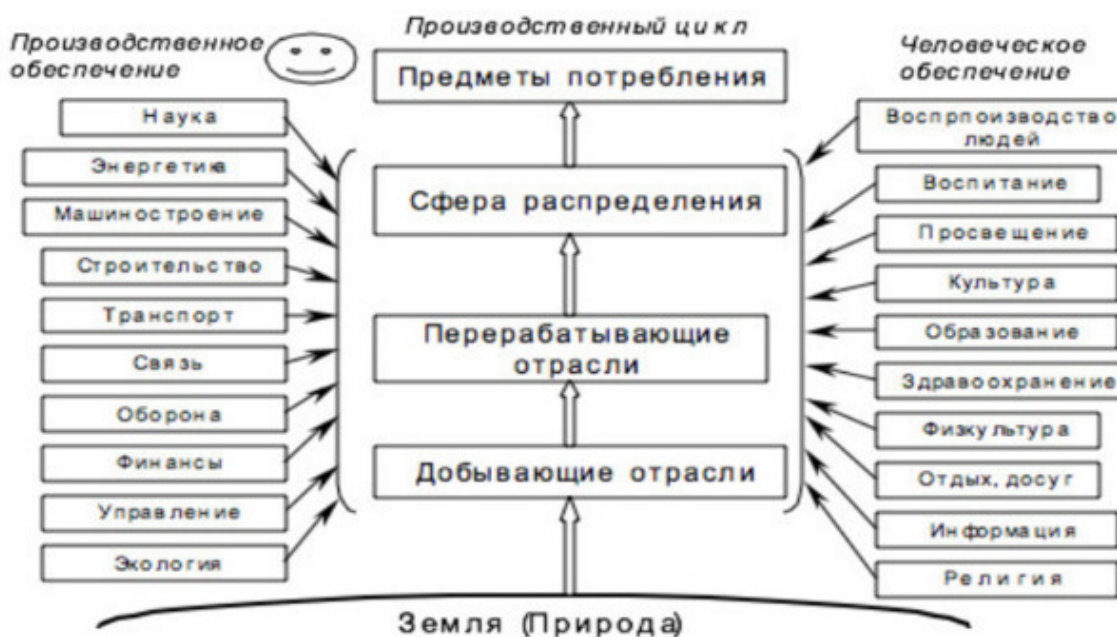

Рис. 1. Структура современной экономики

Созидательную экономику можно представить в виде схемы, помещённой на рис. 1. Из неё следует, что именно Земля (Природа) служит источником всех человеческих благ, а труд в различных его формах лишь способствует их извлечению и превращению в продукт, доступный к потреблению. При этом природные богатства лишь тогда приносят реальную пользу, когда они обеспечены трудом. Только в этом случае они становятся продуктивным полем деятельности человека, создают условия для его выживания.

Для описания особенностей общественного разделения труда и различных его форм разобьём **Производственный цикл** на следующие этапы. Первоначально человеку приходится **добывать** ресурсы (в том числе выращивать, выкармливать, отлавливать их и т.д.). Затем они **перерабатываются** (т.е. приобретают готовый к реализации продукт). **Распределяются** (перевозятся, рекламируются, продаются и проч.). И только после этого тем или иным способом **потребляются**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.